

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

МАТТИАС ЭДВАРДСОН

ПОЧТИ НОРМАЛЬНАЯ СЕМЬЯ

РОМАН

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР,
ПЕРЕВЕДЕННЫЙ НА 30 ЯЗЫКОВ

Маттиас Эдвардссон
Почти нормальная семья
Серия «Звезды мирового детектива»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42674498

Почти нормальная семья:

ISBN 978-5-389-16822-0

Аннотация

Кто убил Кристофера Ольсена и почему? В этом захватывающем триллере Маттиас Эдвардссон плетет паутину, в которую попадают и герои, и читатели, и любое событие имеет оборотную сторону. Все, о чем вы думали, что вы знаете, переворачивается с ног на голову, когда сдвигается перспектива и на сцене появляется новый персонаж, а вся история предстает в новом свете. Так насколько хорошо вы знаете своих детей и как далеко пойдете, чтобы защитить тех, кого любите? И можно ли оправдать убийство?

Впервые на русском языке!

Содержание

Пролог	6
Отец	9
1	9
2	17
3	24
4	29
5	33
6	38
7	43
8	47
9	51
10	54
11	56
12	62
13	66
14	70
15	77
16	81
17	84
18	89
19	94
20	99
21	105

22	111
23	118
24	122
25	129
26	136
27	143
28	148
29	151
Конец ознакомительного фрагмента.	152

Маттиас Эдвардссон

Почти нормальная семья

© Ю. В. Колесова, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2019

Издательство АЗБУКА®

Пролог

Припертый в угол, я реагирую на каждое движение, которое воспринимаю периферийным зрением. Малейший звук заставляет меня вздрагивать. Секунды замедлились и застыли в неподвижности. Должно быть, я просидел здесь минут пять. А может быть, час.

Суд города Лунда расположен в самом центре, наискосок от полицейского участка, недалеко от вокзала. Все жители Лунда то и дело проходят мимо здания суда, однако большинство из них умудряются прожить всю жизнь, так и не побывав внутри. До самого недавнего времени это относилось и ко мне.

И вот теперь я сижу на диванчике перед залом заседаний номер два, а сообщение на мониторе передо мной гласит, что в зале проходит слушание дела об убийстве.

Внутри, по другую сторону двери, – моя жена. Так близко и так далеко. Прежде чем войти в здание суда и пройти контроль безопасности, мы остановились на лестнице и обнялись. Моя жена сжала мне руки так сильно, что они задрожали, и сказала, что от нас уже мало что зависит, что решение не в нашей власти. Мы оба знаем – это не совсем так.

Когда из громкоговорителя раздается треск, меня охватывает острый приступ тошноты. Я слышу свое имя. Настал мой черед. Пошатнувшись, я поднимаюсь с дивана, охран-

ник открывает передо мной дверь. Он кивает, не выражая ни малейшего чувства или мысли. Здесь для этого нет места.

Зал суда номер два оказался больше, чем я ожидал. Моя жена сидит, зажатая в толпе зрителей. Вид у нее усталый, измотанный. На щеках следы слез.

В следующее мгновение я вижу свою дочь.

Она бледная и сильно исхудавшая, волосы свисают спутанными лохмами, потускневшие глаза смотрят на меня. Все мои силы уходят на то, чтобы сдержать желание броситься к ней и крепко обнять, прошептать, что папа рядом и не отпустит ее, пока весь этот кошмар не закончится.

Председатель суда приветствует меня – у меня сразу складывается о нем хорошее впечатление. Вид у него бодрый, при этом он кажется человеком, наделенным эмпатией. Он и чуток, и авторитарен. Подозреваю, что присяжные не станут возражать против его решения. К тому же мне известно, что он тоже отец.

Поскольку я близкий родственник обвиняемой, мне не надо давать присягу. Я знаю, что суд будет рассматривать мои показания в свете того, что подсудимая – моя дочь. Но мне известно также, что моя личность и не в последнюю очередь моя профессия придадут моим словам вес в глазах суда.

Председатель предоставляет слово адвокату. Я делаю глубокий вдох. То, что я сейчас скажу, определит жизнь многих людей на много лет вперед. То, что я сейчас скажу, определит все.

Но что я скажу – этого я пока не решил.

Отец

Смотрящий кротко помилован будет, а встречающийся в воротах стеснит других. От плода уст своих человек насыщается добром, и воздаяние человеку – по делам рук его.

Притч. 12: 13–14

1

Мы были самой обычной семьей. У нас была интересная, хорошо оплачиваемая работа, широкий круг общения и множество интересов – от спорта до культуры. По пятницам мы ели заказанную из ресторана еду и смотрели передачу «Кумир», засыпая на диване перед телевизором еще до того, как будет выбран победитель. По субботам мы обедали в ресторанчике в городе или в каком-нибудь торговом центре. Мы смотрели гандбол или ходили в кино, общались с друзьями, сидя за бутылочкой вина. Ночью мы засыпали, тесно прижавшись друг к другу. Воскресенье проводили в лесу или музее, вели долгие разговоры по телефону с родителями или сидели на диване, каждый со своей книжкой. Воскресные вечера мы нередко завершали, сидя с компьютерами, бумагами и папками прямо в кровати, чтобы подготовиться к грядущей рабочей неделе. По понедельникам моя жена хо-

дила на йогу, а по четвергам я играл в хоккей с мячом. У нас была ипотека, которую мы честно выплачивали. Мы сортировали мусор, включали поворотники и соблюдали допустимую скорость, всегда вовремя сдавали книги в библиотеку.

В этом году отпуск у нас был поздний – с начала июля до середины августа. После нескольких прекрасных летних отпусков в Италии мы решили отправляться в заграничные путешествия зимой, а летом отдыхать дома, совершая небольшие поездки по побережью, чтобы навестить родственников и друзей. На этот раз мы к тому же сняли дачу в Орусте.

Почти все лето Стелла проработала в «Н & М». Она копила деньги на поездку в Азию, которую намеревалась совершить зимой. Я все еще надеюсь, что она туда поедет.

Можно сказать, что в то лето мы с Ульрикой снова открыли для себя друг друга. Это звучит банально, почти нелепо – трудно поверить, что можно снова влюбиться в собственную жену после двадцати лет совместной жизни. Словно этот период, пока в доме рос ребенок, был всего лишь кратким этапом в нашей истории любви. Словно именно этого лета мы все время ждали. Во всяком случае, ощущение было именно такое.

Дети занимают все твоё время. Сначала они груднички, и ты ждешь, когда они станут самостоятельными, – боишься, что они поперхнутся или разобьют себе нос, потом начинается садик, и ты постоянно волнуешься, когда их нет рядом, что они упадут с качелей или посещение врача выявит от-

клонения в развитии. Затем начинается школа, и ты беспокоишься, что их будут дразнить или у них не будет друзей, – уроки, катание на лошади, гандбол, пижамные вечеринки. Потом идут старшие классы, приятели, поздние посиделки, конфликты, вызовы в школу и поездки на такси. Ты переживаешь по поводу алкоголя и наркотиков – как бы они не попали в плохую компанию. Подростковые годы проносятся, как мыльная опера, со скоростью сто девяносто километров в час. И внезапно ты осознаёшь, что ребенок стал взрослым, – и думаешь, что теперь можно перестать волноваться.

Этим летом мы почти не переживали за Стеллу. Никогда еще отношения в нашей семье не были такими гармоничными. Но потом все разом изменилось.

В пятницу в конце лета Стелле исполнялось девятнадцать лет, и я забронировал столик в нашем любимом ресторане. Италия и итальянская еда нам всегда нравились, а неподалеку от нас есть чудесная маленькая trattoria, где подают совершенно божественную пасту и пиццу. Я предвкушал спокойный уютный вечер с семьей.

– Una tavola per tre¹, – сказал я официантке с глазами серны и жемчужиной в носу. – Адам Сандель. Я заказывал столик на восемь часов.

Она опасливо огляделась.

– Минуточку! – проговорила она и убежала куда-то в глу-

---

¹ Стол на троих (*ит.*).

бину переполненного зала.

Ульрика и Стелла обернулись ко мне, пока официантка объяснялась с коллегами, жестикулируя и хмурясь.

Выяснилось, что человек, принимавший нашу заявку, случайно записал ее на страницу четверга.

– Мы ожидали вас вчера, – сказала официантка, почесывая в затылке ручкой. – Но мы сейчас все решим. Дайте нам пять минут.

Другой компании пришлось встать, когда сотрудники внесли в зал еще один стол. Ульрика, Стелла и я стояли посреди тесного рестораника, делая вид, что не замечаем раздраженных взглядов, устремленных на нас со всех сторон. Меня так и тянуло что-то сказать, объяснить, что ошиблись не мы, а работники ресторана.

Когда наш стол наконец-то был накрыт, я уселся, спрятавшись за меню.

– Просим прощения, – проговорил человек с седой бородой – судя по всему, владелец заведения. – Разумеется, мы компенсируем. Десерт после ужина – за наш счет.

– Ничего страшного, – заверил я его. – Все ошибаются.

Официантка записала на бумажке, какие мы заказываем напитки.

– Бокал красного? – проговорила Стелла и вопросительно взглянула на меня, а я повернулся к Ульрике.

– Сегодня особый день, – ответила моя жена.

Я кивнул официантке:

– Бокал красного новорожденной.

После ужина Ульрика вручила Стелле открытку с узором Йосефа Франка.

– Это карта?

Я загадочно улыбнулся.

Вместе со Стеллой мы вышли из ресторана и завернули за угол. Чуть раньше я поставил туда ее подарок.

– Но, папа, я же говорила... Это слишком дорого! – Она прижала ладони к щекам, открыв рот.

Это был розовый мотороллер «веспа-пиаджио». Мы рассмотрели его в Интернете пару недель назад, – само собой, он стоил немало, но мне удалось уговорить Ульрику купить его.

Стелла покачала головой и вздохнула:

– Почему ты никогда меня не слушаешь, папа?

Я поднял ладонь и улыбнулся:

– Достаточно маленького «спасибо».

Я понимал, что Стелла больше всего обрадовалась бы личным, но дарить на день рождения деньги так скучно. На мотороллере она легко могла добраться до города, на работу или к друзьям. В Италии вся молодежь разъезжает на мотороллерах.

Стелла обняла нас и еще несколько раз поблагодарила, прежде чем мы вернулись в ресторан, но меня не покидало чувство разочарования.

Официантка внесла тирамису, подарок от заведения, – и

мы констатировали, все трое, что не можем проглотить больше ни крошки. А потом все же все съели.

К кофе я заказал себе лимончелло.

– Мне уже пора, – сказала Стелла и заерзала на месте.

– Ну не прямо же сейчас?

Я взглянул на часы. Половина десятого.

Стелла поджала губы и продолжала вертеться на стуле:

– Могу еще посидеть. Минут десять.

– Сегодня твой день рождения, – сказал я. – Вы ведь завтра открываетесь только в десять?

Стелла вздохнула:

– Завтра я не работаю.

Как так? Она всегда работала по субботам. Именно таким образом она в конце концов и закрепилась в «Н & М», работая сначала по субботам, потом летом, потом – на неполную ставку.

– У меня сегодня после обеда болела голова, – уклончиво ответила она. – Мигрень.

– Так ты сказала им, что заболела?

Стелла кивнула. Дала мне понять, что это не проблема. Там есть другая девушка, которая с удовольствием выйдет за нее.

– Не этому мы тебя учили, – произнес я, когда Стелла поднялась и взяла свою куртку, висевшую на спинке стула.

– Адам... – сказала Ульрика.

– Но почему ты так торопишься?

Стелла пожала плечами:

– Мы с Аминой договорились встретиться.

Я кивнул, подавив недовольство. Наверное, в девятнадцать лет они все такие.

Стелла сердечно обняла Ульрику. Сам же я едва успел привстать со стула, когда она обняла меня, поэтому прощание вышло каким-то скомканным.

– А мотороллер? – спросил я.

Стелла взглянула на Ульрику.

– Мы доставим его домой, – пообещала моя жена.

Когда Стелла исчезла за дверью, Ульрика медленно вытерла рот салфеткой и взглянула на меня.

– Девятнадцать лет, – проговорила она. – Подумать только, как быстро летит время!

Вернувшись домой, мы с Ульрикой почувствовали, что смертельно устали. Мы уселись в разных углах дивана с книжкой, фоном включив Леонардо Коэна.

– И все же я считаю, что она могла выразить чуть больше благодарности, – сказал я. – Особенно после происшествия с машиной.

«Происшествие с машиной» стало в нашей семье устойчивым понятием.

Ульрика без всякого энтузиазма произнесла «угу», даже не подняв глаз от книги. Ветер за окнами крепчал, стены потрескивали. Лето было на исходе, заканчивался август, но

меня это не смущало. Мне всегда нравилась осень – это чувство, что все начинается заново, словно новая влюбленность.

Когда некоторое время спустя я отложил свой роман, Ульрика уже заснула. Осторожно приподняв ее голову, я подложил ей под затылок подушку. Она тревожно зашевелилась во сне, и я даже подумывал разбудить ее, но потом вернулся к чтению. Прошло немного времени – и буквы стали расплываться перед глазами, мысли улетали куда-то. Я заснул, ощущая тяжесть в груди из-за той пропасти, которая вдруг образовалась между мной и Стеллой – между тем, какими мы были и какими стали, между моими представлениями о нас и реальностью.

Когда я проснулся, посреди комнаты стояла Стелла. Она покачивалась взад-вперед, а свет луны из окна освещал ее голову и плечи.

Ульрика тоже проснулась и протирала глаза. Вскоре комната заполнилась всхлипами и тяжелыми вздохами.

Я сел:

– Что произошло?

Стелла покачала головой, огромные слезы катились по ее щекам. Ульрика обняла ее, и, когда мои глаза постепенно привыкли к темноте, я увидел, что Стеллу буквально трясет.

– Ничего.

Затем они с мамой вышли из комнаты, а я так и остался сидеть с ужасным чувством пустоты в душе.

Мы были самой обычной семьей, но потом все изменилось.

Много времени надо, чтобы выстроить и наладить жизнь, а зачеркнуть все можно в одно мгновение. Понадобится много лет, десятилетий, возможно, вся жизнь, чтобы стать тем, кто ты есть. Пути, которыми мы идем, обычно извилисты, и мне представляется, что так и задумано: вся наша жизнь строится на ошибках и мытарствах. Характер закаляется в испытаниях.

Куда труднее мне понять то, что случилось с нашей семьей этой осенью. Я знаю – все понять невозможно, и в этом есть большой смысл, но в событиях последних недель лично я никакого смысла разглядеть не могу. Не могу объяснить ни себе, ни кому-либо другому.

Вероятно, такое случается со всеми, но мне кажется, что я, как священник, в большей степени, чем другие, несу ответственность за свое мировоззрение. Вообще-то, у людей часто вызывает сомнения моя вера. Меня спрашивают, вправду ли я верю в Адама и Еву, в Непорочное зачатие, в то, что Иисус шел по воде и воскрешал мертвых.

В самом начале своей христианской жизни я нередко уходил в глубокую защиту и начинал оспаривать взгляды на мир, которых придерживался мой собеседник. Случалось, я

утверждал, что наука – всего лишь одна из религий. И конечно же, не раз в душе моей пробуждались сомнения, пошатывалась моя убежденность. Однако теперь я тверд в своей вере. Я принял благословение Господне, и Господь обратил ко мне светлое лицо свое. Бог есть любовь. Бог – мое упование и надежда. Бог – мое прибежище и утешение.

Обычно я говорю, что я верующий, а не знающий. Когда начинаешь думать, будто что-то знаешь, легко совершить промах. Полагаю, что жизнь – это постоянное обучение.

Как и многие другие, я считаю себя человеком добрым. Это звучит, конечно, несколько самодовольно, чтобы не сказать высокомерно. Но я не то имел в виду. Я человек с огромным количеством недостатков, человек, совершивший массу ошибок и просчетов. Я прекрасно это осознаю и первым готов в этом расписаться. Просто я хотел сказать, что всегда имел благие намерения, руководствовался соображениями любви и заботы. Мне всегда хотелось поступать правильно.

Неделя, последовавшая после дня рождения Стеллы, мало чем отличалась от других. В субботу мы с Ульрикой поехали на велосипедах к друзьям в Гуннесбю. Воспользовавшись случаем, я задал осторожный вопрос по поводу ночных событий, но Ульрика заверила меня, что со Стеллой ничего страшного не случилось – проблемы с каким-то парнем, у девятнадцатилетних девушек такое бывает. Мне не стоит

волноваться.

В воскресенье я беседовал по телефону с родителями. Когда речь зашла о Стелле, я сказал, что она теперь редко бывает дома, — в связи с чем мама напомнила мне, как сам я вел себя в подростковые годы. О таком легко забываешь.

В понедельник у меня были похороны в первой половине дня и крещение во второй. Удивительная у меня профессия, в которой жизнь и смерть обмениваются рукопожатиями на крылечке. Вечером Ульрика поехала на йогу, а Стелла заперлась в своей комнате.

В среду я повенчал пожилую пару в своем приходе; они познакомились, оплакивая утрату бывших спутников жизни. Эта история поразила меня до глубины души.

В четверг я слегка подвернул ногу, играя в хоккей с мячом. Мой старый приятель по гандбольной команде Андерс, ныне пожарный и отец четверых сыновей, в пылу атаки случайно наступил мне на ногу. Тем не менее я сумел завершить передачу.

В пятницу утром, когда ехал на велосипеде на работу, я ощущал усталость. После обеда хоронил мужчину, который дожил только до сорока двух лет. Рак, само собой. Никак не могу привыкнуть к тому, что умирают люди, которые моложе меня. Его дочь написала прощальное стихотворение, но не сумела его прочесть, поскольку ее душили слезы. Я не мог не думать о Стелле.

В пятницу вечером я чувствовал себя совершенно разбитым после долгой недели. Стоя у окна, наблюдал, как тает за горизонтом конец августа. Осень со всей серьезностью стояла на пороге. Последний дымок от гриля поднялся и растворился над крышами домов. С садовой мебели убрали мягкие подушки.

Наконец-то я мог снять с себя пасторский воротничок. Я провел рукой по вспотевшему затылку. Наклонившись к подоконнику, случайно задел семейную фотографию в рамочке, и та упала на пол.

По стеклу прошла трещина, но я все же поставил фотографию обратно. На снимке, сделанном лет десять назад, кожа у меня ровнее и свежее, а в глазах таится озорство. Помню, мы смеялись чему-то как раз перед тем, как фотограф нажал на кнопку. Ульрика широко улыбается, а перед нами стоит Стелла с розовыми щечками, двумя косичками и Минни-Маус на джемпере. Долго еще я стоял у окна и смотрел на семейное фото, а воспоминания теснились в груди.

Приняв душ, я приготовил свинину с чоризо в горшочке. Ульрика купила себе новые серьги, маленькие серебряные перышки, за ужином мы выпили на двоих бутылку южноафриканского вина, чтобы потом провести остаток вечера на диване за игрой в «Тривиал персыют», поедая соленые палочки.

– Ты знаешь, где Стелла? – спросил я, раздеваясь в спальне.

Ульрика уже забралась под одеяло.

– Она пошла к Амине. Не факт, что она придет ночевать.

Последнее было сказано мимоходом, хотя Ульрика прекрасно знает, что я думаю по поводу того, когда наша дочь не ночует дома.

Я взглянул на часы – они показывали четверть двенадцатого.

– Придет, когда придет, – сказала Ульрика.

Я уставился на нее. Порой мне кажется, что некоторые вещи она говорит лишь для того, чтобы меня спровоцировать.

– Отправлю ей эсэмэску, – ответил я.

И я написал Стелле, спрашивая ее, придет ли она ночевать домой. Само собой, ответа я не получил.

С тяжелым вздохом я улегся в постель. Ульрика тут же перекатилась на мою половину и стала гладить меня по бедру. Она целовала меня в шею, а я лежал и смотрел в потолок.

Знаю – мне не следовало волноваться. В молодости я никогда не был невротиком. Страх прокрался ко мне в душу, когда у меня появилась дочь, – и теперь он с каждым годом только растет.

Имея девятнадцатилетнюю дочь, нужно сделать выбор: либо сойти с ума от бесконечных страхов за нее, либо выбросить из головы все рискованные ситуации, которые она, похоже, обожает. Тут остается надеяться лишь на инстинкт самосохранения.

Вскоре Ульрика заснула у меня на плече. Ее дыхание касалось

лось моей щеки, словно теплая волна. То и дело она вздрагивала – быстрые, напряженные движения, но сон тут же снова одолевал ее.

Я честно пытался заснуть, но голова моя была забита всякими мыслями. Усталость перешла в состояние маниакальной мозговой деятельности. Я думал о своих мечтах и планах, которые были у меня в разные периоды жизни, – многие уже изменились, но некоторые я все еще надеюсь осуществить. Потом я подумал о мечтах Стеллы – и с болью констатировал, что мне неизвестно, чего моя дочь хочет от жизни. Сама она упорно утверждает, что не знает. Никаких планов, никакой структуры. Она так не похожа на меня. Оканчивая гимназию², я уже имел в голове четкое представление, как сложится моя жизнь.

Я знаю, что не могу повлиять на Стеллу. Ей девятнадцать, она сама делает свой выбор. Как-то раз Ульрика сказала, что любовь – это когда размыкаешь ладони и отпускаешь в полет того, кого любишь, но мне часто кажется, что Стелла все еще сидит на краю гнезда и машет крыльями, не решаясь взлететь. Я представлял себе нечто иное.

Несмотря на усталость, я никак не мог заснуть. Перекатившись на бок, проверил мобильный. Там я обнаружил ответ от Стеллы.

Еду домой.

---

² Гимназия в Швеции – профильное трехлетнее образование после 9 классов школы.

Часы показывали без пяти два, когда в двери повернулся ключ. Ульрика перекатилась на свою половину кровати и повернулась ко мне спиной. На первом этаже ходила Стелла, в туалете спускалась вода, быстрые шаги в постирочной, снова шум спускаемой воды. Это продолжалось целую вечность.

Наконец лестница заскрипела под ее шагами. Ульрика дернулась на подушке. Я склонился над ней и посмотрел на нее, но она, похоже, спала.

Меня раздирали противоречивые чувства. С одной стороны, раздражение из-за того, что Стелла заставила меня мучиться, с другой – облегчение, что она наконец-то вернулась домой.

Я поднялся с постели и отворил дверь спальни как раз в тот момент, когда Стелла проходила мимо в одном белье, а волосы были собраны в мокрый хвост на затылке. Когда она открыла дверь в свою комнату, ее спина казалась в полумраке светящейся чертой.

– Стелла! – окликнул я.

Не отвечая, она быстро проскользнула в комнату и заперла за собой дверь.

– Спокойной ночи, – донеслось из-за двери.

– Приятных снов, – прошептал я.

Моя доченька дома.

В субботу утром я проснулся поздно. Ульрика сидела в халате за кухонным столом и слушала музыку.

– С добрым утром!

Она достала наушники из ушей, повесила их вокруг шеи.

Хотя я проспал дольше, чем обычно, туман в голове еще не рассеялся, и я пролил кофе на утреннюю газету.

– Где Стелла?

– На работе, – ответила Ульрика. – Когда я проснулась, ее уже не было.

Я попытался вытереть газету тряпкой.

– Она, наверное, совершенно разбитая. Прогуляла полночи.

Ульрика с улыбкой оглядела меня:

– Ты тоже не особо бодро выглядишь.

Что она хотела этим сказать? Ведь ей прекрасно известно – я не могу заснуть, пока Стеллы нет дома.

В этот день мы были приглашены на поздний обед к Дино и Александре. Такой обед предполагает алкогольные напитки, поэтому мы поехали в город на велосипедах. Поравнявшись с боулинг-клубом, я увидел полицейскую машину, а в пятидесяти метрах от нее, у развязки с круговым движением рядом с гимназией «Польхем»³, стояли еще две. У одной

---

³ Кристофер Польхем – знаменитый шведский ученый и изобретатель XVII в.

были включены мигалки. По улице Родмансгатан быстрым шагом шли трое полицейских.

– Интересно, что тут произошло, – сказал я Ульрике.

Велосипеды мы поставили во внутреннем дворе, и только тут до меня дошло, что неудобно являться в гости с пустыми руками.

– Как хорошо, что хоть кто-то в семье об этом позаботился, – сказала Ульрика, вынимая из сумочки коробку дорогих трюфелей.

– Ты просто молодчина, моя дорогая, – шепнул я и чмокнул ее в щеку.

Александра открыла нам дверь с улыбкой на лице.

– Да что вы, это лишнее! – воскликнула она, когда я вручил ей коробочку трюфелей.

От хозяйки дома приятно пахло ландышами и лимоном.

– Привет-привет, – сказал Дино, пожимая мне руку.

Несколько минут мы стояли в холле и обменивались самыми насущными новостями и любезностями.

– Давно не виделись. Как дела?

– А Амины нет дома? – удивилась Ульрика.

На мгновение Александра заколебалась:

– На самом деле она должна была сегодня играть, но почувствовала себя неважно.

– Прямо не понимаю, что с ней! – воскликнул Дино. – Не припомню, чтобы она пропустила хоть один матч по гандболу.

– Может, это обычная простуда, – сказала Александра.

Дино чуть заметно поморщился. Наверное, я один заметил его гримасу.

– Лишь бы она поправилась к началу учебы, – сказала Ульрика.

– Нет уж, первый день учебы она не пропустит, будь у нее температура хоть под сорок, – усмехнулась Александра.

Ульрика рассмеялась:

– Из нее получится замечательный врач. Такого старательного и работающего человека еще поискать.

Дино просиял и загордился, как павлин. Впрочем, с полным правом.

– А как дела у Стеллы? – спросил он.

В этом вопросе не было ничего странного. Напротив. Но мне показалось, что мы слишком долго не могли подобрать ответ.

– Все хорошо, – произнес я наконец.

Ульрика улыбнулась в знак согласия. Возможно, этот ответ все же не был так уж далек от реальности. Все лето наша дочь пребывала в отличном настроении.

Сидя на застекленном балконе, мы наслаждались питой и мини-пирожками, приготовленными Дино, – и, конечно же, гандбольными историями. У Дино потрясающая способность вспоминать детали игры, даже если она была десять лет назад. Между тем мои самые яркие воспоминания связа-

ны с событиями за пределами спортивного зала. Как из автобуса, везущего нас по Ютландии, вдруг стало подтекать топливо, или как чиновник из Шёвде начал тепло отзываться о национал-социализме, или как однажды в Литве, когда мы потеряли ключи, нам пришлось коротать ночь под открытым небом.

От гандбольных воспоминаний Александру вскоре стала одолевать зевота.

– Вы слышали об убийстве?

Весьма эффективный способ сменить тему.

– Об убийстве?

– Прямо тут, у гимназии «Польхем». Там сегодня утром обнаружили труп.

– Полицейские... – пробормотала Ульрика. – Так вот почему...

Ее прервал скрип балконной двери. В проеме двери за нами стояла Амина – с потухшим взглядом, бледная, словно выцветшая тень.

– Боже мой, девочка моя, ты ужасно выглядишь! – воскликнула Ульрика, не проявляя ни малейшего такта.

– Я знаю, – хрипло ответила Амина, которая, казалось, держалась за балконную дверь, чтобы не упасть.

– Иди ложись.

– Стелла, наверно, так же разболеется – это вопрос времени, – сказал я. – Ведь вчера вечером она была с тобой?

Взгляд Амины остановился. Всего на полсекунды, даже на

десятую долю секунды, но я сразу понял, что это значит.

– Да, со мной... – Амина закашляла. – Авось она не расклеится.

– Иди скорее ложись, – сказала Ульрика.

Амина закрыла балконную дверь и поплелась обратно через гостиную.

Ложь – искусство, которым мало кто владеет в совершенстве.

Если бы не дочери, мы с Ульрикой вряд ли бы подружились с Александрой и Дино.

Амине и Стелле было по шесть лет, когда они оказались в одной команде по гандболу. Большинство других девочек в ней были на год старше, но это не бросалось в глаза. И Амина, и Стелла с самого начала проявили боевой дух. Они были сильны, настойчивы и не сдавались. В отличие от Стеллы, Амина обладала к тому же неординарным чувством мяча.

На первых тренировках мы с Ульрикой сидели на скамейках в пропахшем потом спортивном зале и смотрели, как наша девочка носится до полного изнеможения. Редко мы видели ее такой свободной и счастливой, как на площадке для гандбола. Единственным тренером у девочек был Дино – человек увлеченный, отдающий юным гандболисткам всю душу. Однако существовала одна проблема: его жестикуляция. Когда кто-нибудь из девочек прекрасно выступал на поле, он, с его взрывным темпераментом, всем телом, мимикой и жестами выражал свою радость, однако так же мощно демонстрировал и свое разочарование, когда у них что-то не получалось. Разумеется, мы с Ульрикой не могли не реагировать и обсуждали это после каждой тренировки. Я предложил поговорить с другими родителями или обратиться в руководство клуба. Нам очень нравился Дино как тренер. Воз-

можно, он просто не понимал, как можно истолковать его жестикуляцию.

– Лучше давай поговорим с ним лично, – сказала Ульрика и после следующей тренировки подошла к Дино, который, как говорили, когда-то и сам играл в гандбол на довольно высоком уровне.

Я стоял в сторонке, пока Дино выслушивал Ульрику. Потом он сказал:

– Похоже, ты в этом разбираешься. Не хочешь работать со мной в паре?

Ульрика была настолько потрясена, что лишилась дара речи. Когда же ей удалось совладать с собой, она указала в мою сторону, пробормотав, мол, на самом деле это я что-то понимаю в гандболе и наверняка стал бы ему прекрасным напарником.

– Отлично, – сказал Дино и перевел взгляд на меня. – Ты принят.

Остальное, как говорится, уже история. Мы вели команду от одной победы к другой, объездили пол-Европы и выиграли столько медалей и кубков, что они не помещались у Стеллы на книжной полке.

На поле Амина и Стелла сразу же подружились. С изяществом и ловкостью Амина подавала Стелле мячи, а та вырывалась вперед к первой линии и не останавливалась, пока мяч не оказывался в воротах. Но инстинкт победителя имел свою оборотную сторону. Стелле было всего восемь, когда

ситуация впервые вышла из-под контроля. Во время матча в Фэладсхаллен она получила прекрасный пасc от Амины, оказалась наедине с вратарем, но пропустила подходящий момент. Не колеблясь ни секунды, она подхватила мяч и со всей силы послала его в лицо вратарю с расстояния в три метра.

Начался полный хаос. Тренер команды-соперника и родители выбежали на поле и набросились на Стеллу и на меня.

Она сделала это не специально. Стелла никогда не обращала свой гнев на других, только на себя. В досаде из-за упущенного шанса она потеряла над собой контроль. Стелла сожалела о случившемся, была буквально убита.

– Простите, я не подумала.

Эта реплика в дальнейшем повторялась так часто, что стала почти что мантрой.

Дино нередко говорил мне, что главный противник Стеллы – она сама. Если ей удастся победить себя, она далеко пойдет.

Просто ей было так трудно обуздать свои эмоции.

В остальном же Стелла излучала очарование. Она была внимательна к другим, всегда на стороне справедливости, энергичная и общительная девочка.

Вскоре Амина и Стелла так сдружились, что стали неразлучны и за пределами спортзала. Они учились в одном классе, покупали одинаковую одежду и увлекались одной и той же музыкой. Амина положительно влияла на Стеллу. Она

была мила и сообразительна, заботлива и полна надежд на будущее. Когда Стеллу заносило, Амина всегда оказывалась рядом, чтобы сбалансировать ситуацию.

Ах, если бы мы с Ульрикой серьезнее отнеслись к проблемам Стеллы! Если бы мы спохватились раньше. Мне стыдно в этом признаться, но причиной, вероятно, стала наша гордыня. И для меня, и для Ульрики обратиться за профессиональной помощью означало бы признать свое капитальное поражение. Возможно, эгоистично – но вполне по-человечески и не так уж неправильно. Мы старались быть для нашего ребенка самыми лучшими родителями, но недотянули до желаемых высот.

И кто же знал, что дело пойдет так далеко.

Когда мы с Ульрикой ехали домой от Александры и Дино, полицейские машины все еще стояли у школы. Это было так неприятно. Слишком близко. Судя по всему, тело обнаружили на детской площадке, куда одна ранняя мамочка вышла утром погулять со своими детьми. При одной мысли об этом я содрогнулся.

Ульрика соскочила с велосипеда и поспешила к двери.

– Не хочешь запереть его на замок? – спросил я.

– Мне срочно нужно в туалет, – пробормотала она, роясь в сумочке в поисках ключей.

Я провел ее велосипед по каменной дорожке и поставил рядом со своим под железным навесом. Обнаружил, что забыл накрыть гриль, и пошел в сарай, чтобы взять чехол.

Когда я вошел в дом, Ульрика в растерянности стояла на лестнице:

– Стеллы по-прежнему нет дома. Я звонила ей, но она не снимает трубку.

– Наверняка работает сверхурочно, – ответил я. – Ты же знаешь – на работе им не разрешают носить с собой телефоны.

– Но ведь сегодня суббота. Магазин закрылся несколько часов назад.

Об этом я как-то не подумал.

– Наверное, пошла куда-нибудь за компанию. Сегодня же вечером надо будет с ней побеседовать. Она должна держать нас в курсе.

Я обнял Ульрику.

– У меня возникло такое жуткое чувство, – проговорила она, – когда мы увидели все эти полицейские машины. Убийство? Здесь?

– Понимаю. Мне тоже как-то не по себе.

Мы сели на диван, я нашел в телефоне новости и стал читать ей вслух. Убитый – мужчина тридцати лет, родом из нашего города. Полиция пока не раскрывала подробностей случившегося, но в одной из вечерних газет женщина, жившая недалеко от места происшествия, рассказала, что среди ночи слышала под окнами шум и крики.

– С нормальными людьми такого не случается. Скорее всего, разборки алкоголиков или наркоманов, – проговорил я, игнорируя тот факт, что именно Ульрика была специалистом в данной области. – Или организованная преступность.

Ульрика спокойно дышала мне в плечо.

Но я сказал это не для того, чтобы успокоить ее. В тот момент я был твердо уверен, что дело обстоит именно так.

– Лично я собираюсь приготовить пасту карбонара.

Я поднялся и поцеловал ее в щеку.

– Прямо сейчас? Мне кажется, я не смогу съесть даже листик салата.

– Когда еще будет готово, – улыбнулся я. – Настоящая еда

готовится не быстро, моя дорогая.

Свинина уже шипела в отменном оливковом масле, когда Ульрика с грохотом сбежала по лестнице:

– Стелла забыла свой мобильный!

– Что?

Она беспокойно бродила взад-вперед между кухонным островом и окном.

– Он лежит на ее столе.

– Надо же! – Карбонара была на той стадии, когда я не мог от нее оторваться. – Так она его забыла?

– Ты что, не слышал, что я сказала? Он лежит у нее на столе!

Ульрика почти кричала.

Конечно, было очень странно, что Стелла забыла свой телефон, однако не было причин так переживать. Я перемешал карбонару, уменьшив жар на плите.

– Плевать на еду, – сказала Ульрика и потянула меня за рукав. – Я начинаю всерьез тревожиться. Пыталась позвонить Амине, но она тоже не отвечает.

– Она же больна. – Я швырнул деревянную ложку на столешницу и сорвал сковородку с плиты. – Возможно, она сознательно оставила его дома, – проговорил я, борясь с чувствами, которые бурлили у меня в душе. – Ты знаешь, что начальница ругала ее за телефон?

Ульрика покачала головой:

– Начальница ее не ругала. Просто побеседовала с ней по поводу использования телефона на рабочем месте. Ты же не думаешь, что Стелла могла сознательно оставить телефон дома?

Нет, пожалуй, это выглядело маловероятным.

– Скорее всего, она его забыла. Слишком торопилась сегодня утром.

– Я должна обзвонить ее подружек, – сказала Ульрика. – Это так на нее не похоже.

– Может, все же подождать?

Я начал говорить о том, что мы слишком избалованы современной техникой и постоянной доступностью – привыкли к тому, что всегда можно выяснить, где находится наша дочь. Строго говоря, нет никаких причин накручивать себя.

– Наверняка она скоро явится домой, – сказал я.

Однако внутри все сжалось. Когда у тебя есть дети, ты никогда не можешь расслабиться.

Ульрика ушла вверх по скрипучей лестнице, а я отправился в постирочную. Как правило, этим занимается Ульрика, – возможно, это напоминает старомодное распределение домашних обязанностей, но на самом деле мы это никогда не обсуждали, просто так сложилось. Кухня была моим царством, постирочная комната – Ульрики.

Несмотря на это, я пошел туда. Случайностей не бывает. Открыв люк стиральной машины, я достал влажные вещи. Темные джинсы, которые мне пришлось вывернуть, чтобы

убедиться, что они принадлежат Стелле. Черную майку, тоже принадлежащую Стелле. И белую блузку с цветком на нагрудном кармане, которую она буквально не снимала этим летом. Держа блузку одной рукой, второй я искал вешалку. Тут-то мне и бросилось в глаза, что что-то не так.

Любимая блузка Стеллы. Правый рукав и перед были покрыты темными пятнами.

Подняв глаза к потолку, я беззвучно прочел молитву. Но в душе я знал – Бог не имеет ко всему этому никакого отношения.

Много раз за все эти годы я встречался с теми, кто по недоразумению считает, будто моя вера автоматически предполагает наличие своего рода детерминизма, словно моя свободная воля ограничена Господом. Трудно найти более ошибочное суждение. Я верую в человека, созданного по образу и подобию Божьему. Верую в человека.

Порой, встречая людей, которые утверждают, что не верят в Бога, я спрашиваю их – в какого именно Бога они не верят? Обычно они описывают Бога, в которого я тоже не верю.

Свою веру мне пришлось объяснять и Стелле. В один прекрасный день она спросила меня, действительно ли я считаю, что мы с Ульрикой были предназначены друг для друга. В школе кто-то сказал, что Библия запрещает разводы.

– Папа, разве на свете существует один-единственный человек, который для тебя предназначен?

Мы сидели на краю кровати в ее комнате. На ней была пижама с изображением кукол Братц, которыми она в то время увлекалась.

– Нет, это было бы ужасно. Тогда пришлось бы потратить всю жизнь на поиски этого единственного человека.

Стелла сглотнула. От напряженных размышлений ее бровки нахмурились.

– Так вместо мамы мог бы быть кто угодно?

– Вовсе нет. На свете мало вещей, которые либо черные, либо белые. Обычно мы живем среди серых оттенков.

– Серый цвет такой скучный.

– Но ведь это не так. Серый цвет удивительный.

Стелла посмотрела на меня своими большими светлыми глазами, забралась в постель и натянула пахнувшее свежестью одеяло до самого подбородка.

– Натти-натти⁴, папа, – прошептала она.

Найти человека, который для тебя предназначен, – от этого голова идет кругом. Для меня не существует более явного свидетельства бытия Господа. Однако это не исключает того, что есть и другие люди, с которыми ты мог бы быть счастлив.

Мы с Ульрикой встретились в молодости, и с тех пор альтернативы не существовало. В Лунде мы оба были новичками. Поскольку мною владела наивная мечта стать актером, я стал участвовать в капустниках студенческого клуба Верм-ланда, а ближе к зиме там появилась Ульрика. Она была из тех, кто замечен, хотя и не стремится к этому, – сияет, не ослепляя.

Пока я боролся с прыщами и своим акцентом, выдававшим, что я родом из Блекинге, Ульрика блистала в любой студенческой компании. Я расклеивал по всему городу плакаты с надписью «Нет Европейскому союзу, нет мосту»⁵, а

---

⁴ *Nammi-nammi* (um. natti-natti) – спокойной ночи.

⁵ Имеется в виду Эресуннский мост, соединяющий столицу Дании Копенгаген

тем временем Ульрика стала заместителем председателя студенческого клуба и сдала все зачеты по юриспруденции.

Когда под конец года мы оказались на одной вечеринке, я собрался с духом и заговорил с ней. К моему удивлению, Ульрике, похоже, понравилась моя компания. Вскоре мы начали общаться постоянно. Могли разговаривать часами. У нас были различные взгляды на все – от книг и музыки до международной политики, но нам обоим нравилось вести споры, а в конце мы почти всегда приходили к согласию – хотя бы в том, что у каждого свои взгляды и это вполне нормально.

– Не понимаю, почему ты хочешь стать пастором, – заявила она мне еще в первый вечер. – Ты мог бы быть психологом, или социологом, или...

– Или пастором.

– Но почему?

Ульрика посмотрела на меня так, словно я добровольно попросил ампутировать себе здоровую часть тела.

– Ты из Смоланда, верно? У тебя это в крови?

– Я из Блекинге, – рассмеялся я. – И мои родители не имеют к этому никакого отношения. Помимо того, что они отдали меня в воскресную школу. Но сделали это скорее ради пары свободных часов.

Единственный раз, когда я услышал, что мой брат обратился к Богу, – это когда заболел наш отец. Семья у меня

была не религиозная и не атеистическая. У моих близких отсутствовало какое-либо отношение к религии, что так характерно для нашей секулярной эпохи. О Боге вспоминают лишь тогда, когда он зачем-то понадобился.

– Я был стопроцентным атеистом, пока не поступил в гимназию. Одно время я даже входил в организацию «Революционная молодежь», цитировал Маркса и мечтал упразднить всякую религию. Но из догм с возрастом вырастаешь. Со временем разные религиозные мировоззрения стали вызывать у меня все большее любопытство.

Мне нравилось, как Ульрика разглядывает меня – словно я загадка, которую она хочет разгадать.

– А потом кое-что случилось, – сказал я. – На последнем курсе гимназии.

– Что?

– Я возвращался домой из библиотеки, когда услышал, как кричит женщина. Она стояла на краю причала, подскакивала, махала руками. Я кинулся туда. – Ульрика подалась вперед. Я рассказывал, видя перед собой эту сцену. – Ее дочь упала в холодную воду. Еще двое детей стояли рядом с ней на причале и тоже кричали. Подумать я не успел. Кинулся в воду.

Ульрика охнула, но я покачал головой. Я вовсе не собирался изображать из себя героя.

– И тогда что-то произошло. В тот момент, когда мое тело рассекло воду. Я не понял, что это было, но теперь я знаю.

Это был Бог. Я почувствовал его.

Ульрика задумчиво кивнула. Она не осуждала меня, но и не готова была принять мой рассказ. Сохраняла нейтралитет. В хорошем смысле.

– Словно яркий свет зажегся в темной воде. Я увидел девочку и схватил ее. Никогда еще я не чувствовал себя таким сильным и решительным, и ничто не могло помешать мне спасти этого ребенка. Мне даже не пришлось сильно напрягаться. Нечто сверхъестественное позволило мне вытащить девочку на пирс и вернуть ее к жизни. Мама и ее младшие сестренки стояли рядом и кричали, когда изо рта у девочки потекла вода и она очнулась. В то же мгновение Бог покинул мое тело, и я снова стал самим собой.

Ульрика пару раз сморгнула с открытым ртом.

– Девочка выжила?

– Да, все закончилось хорошо.

– Потрясающе, – проговорила она и улыбнулась своей восхитительной улыбкой. – И с тех пор ты знаешь?..

– Я ничего не знаю, – уверенно ответил я. – Но я верю.

Субботним вечером, незадолго до того, когда наша жизнь должна была измениться, я обратился к Богу. Меня встревожила перепачканная блузка в стиральной машине, но я решил ничего не говорить Ульрике. Эти пятна могли быть от чего угодно, они ничего не значили, и не было причин давать ей дополнительный повод для беспокойства. Вместо этого я закрыл глаза и стал молить Бога, чтобы он уберег мою девочку.

Я стоял у кухонного острова и вертел в руках бокал с янтарным виски, когда Ульрика сбежала с лестницы.

– Я только что разговаривала с Александрой! – выпалила она, задыхаясь. – Она пошла и разбудила Амину. Судя по всему, с Аминой случился шок, когда она услышала, что Стелла не вернулась домой.

– И что она сказала?

– Похоже, она ничего не знает.

Я залпом выпил свой виски.

– Может, позвонить ее коллегам по «Н & М»? – спросил я. Ульрика положила телефон Стеллы на столешницу:

– Я уже пробовала. У нее в контактах только телефон Бениты, а та не знает, кто сегодня работал.

Я вздохнул и стал ворчать себе под нос. К тревоге примешивалось раздражение. Разве Стелла не понимает, что` она

заставляет нас испытывать? Как мы волнуемся?

Когда телефон запрыгал по столешнице, мы с Ульрикой оба кинулись к нему. Я успел раньше и схватил трубку:

– Да?

Мне осторожно ответил низкий мужской голос:

– Я звоню по поводу мотороллера.

– Мотороллера?

Мысли беспорядочно завертелись у меня в голове.

– Мотороллера, который продается, – продолжал мужчина.

– Здесь не продается мотороллер. Вы ошиблись номером.

Он извинился, но заявил, что вовсе не ошибся номером. В Сети выложено объявление с этим номером о продаже мотороллера. Розового «пиаджио».

Проворчав что-то по поводу досадной ошибки, я закончил разговор.

– Кто звонил? – нетерпеливо спросила Ульрика.

– Она собирается продать мотороллер.

– Что?

– Стелла дала объявление о продаже.

Мы сели на диван. Ульрика разослала всем сообщение, в котором просила тех, кто что-то знает о Стелле, позвонить нам. Я налил себе еще виски, а Ульрика положила айфон Стеллы на столик перед нами. Мы сидели, не сводя с него глаз, и каждый раз, когда он гудел, буквально подпрыгивали

на месте. Время остановилось. Ульрика водила по дисплею большим пальцем.

Несколько друзей Стеллы откликнулись, некоторые выражали тревогу, но большинство лишь сообщали, что им ничего не известно.

Набрав в «Гугле» номер телефона Стеллы, я тут же обнаружил объявление. Она действительно выставила мотороллер на продажу. Подарок на день рождения. Что она такое творит?

По телевизору что-то говорили, я держал Улькику за руку. Рядом с нами, словно привидение, витала неизвестность – и она все росла и росла.

– Может быть, мне взять велосипед и поехать поискать ее?

Ульрика поморщилась:

– Не лучше ли нам оставаться здесь?

Я сжал ее пальцы:

– Такого больше не должно повториться. Неужели она не понимает, как мы волнуемся?

Ульрика уже готова была заплакать:

– Может, позвоним в полицию?

– В полицию?

Нет, это уж чересчур. Все еще не настолько плохо.

– У меня есть там связи, – сказала Ульрика. – Во всяком случае, они будут повнимательнее.

– Это просто какой-то бред! – воскликнул я и вскочил. – Чтобы нам пришлось обращаться... Я просто...

– Тсс! – проговорила Ульрика, подняв палец. – Слышишь?

– Что такое?

– Звонят.

Замерев, я посмотрел на нее. От волнения мы оба были просто вне себя. Через несколько секунд по всему дому разнесся звонок.

– Городской? – проговорила Ульрика и поднялась.

Никто никогда не звонит нам по городскому.

Стелла не была запланированным ребенком. Желанным – да, долгожданным и любимым еще задолго до того, как научилась самостоятельно дышать. Но вышло все спонтанно.

Ульрика только что получила диплом и должна была приступить к работе в суде, когда однажды вечером она села напротив меня, положила ладони поверх моих и заглянула мне глубоко в глаза. Со сдержанной улыбкой она сообщила мне потрясающую, оглушительную новость.

Мне оставался год до окончания учебы, а потом еще год службы в качестве помощника пастора. Мы снимали однокомнатную квартирку на Норра-Феладен, жили в долг, и условия для рождения ребенка были далеко не оптимальными. Конечно же, я заметил, что Ульрика колеблется, – первая бурная радость вскоре уступила место пугливому сомнению, но прошла еще целая неделя, прежде чем было произнесено вслух слово «аборт».

Ульрика вполне обоснованно волновалась по поводу практической стороны дела. Расходы, жилье, наше обучение и последующая карьера.

– Любовь поможет нам со всем справиться, – сказал я и поцеловал ее в животик.

Пока Ульрика делала экономические расчеты, я купил

крошечные носочки с надписью «My dad rocks»⁶.

– Ты ведь не против аборт? – спросила она меня в те первые дни пылкой влюбленности пятью годами раньше, когда мы буквально не выходили из комнаты в большой студенческой квартире.

– У тебя странные представления о том, что такое быть христианином, – ответил я.

Сейчас я знаю, что она не шутила. Моя вера внушала ей страх и сомнения. Это была самая большая угроза нашим только что зародившимся, еще хрупким отношениям.

– Никогда не думала, что выйду замуж за пастора, – говорила она иногда.

Вовсе не для того, чтобы меня обидеть. Это был всего лишь ироничный комментарий по поводу того, что неисповедимы пути Господни.

– Не беспокойся об этом, – отвечал я. – Я тоже не мог себе представить жену-адвоката.

Ни разу я всерьез не рассматривал тот вариант, что мы откажемся от рождения этого ребенка. Однако в своих разговорах с Ульрикой я держался нейтрально, был открыт для разных возможностей. Вскоре мы пришли к единому решению.

Перед родами мы ходили на курсы и учились правильно дышать. По утрам Ульрика плохо себя чувствовала, и я мас-

---

⁶ Мой папа зажигает (англ.).

сировал ее отекавшие ноги.

За неделю до расчетной даты родов Ульрика разбудила меня в четыре часа утра. Она стояла в изножье кровати, завернувшись в одеяло:

– Адам, Адам! Воды отошли!

Мы взяли такси и поехали в роддом, и когда Ульрика лежала передо мной на кушетке, извиваясь от боли, а акушерка натягивала длинные перчатки, до меня наконец дошло, что именно поставлено на карту и как легко все может пойти не так. Словно все это время я копил страх и тревогу в потайном уголке души и теперь все разом выплеснулось наружу.

– Сделайте что-нибудь!

– Папа пусть сядет, – сказала медсестра и указала на стул рядом с Ульрикой. Едва приземлившись на стул, я снова вскочил. – Спокойно, возьмите себя в руки, – сказала акушерка.

Ульрика тяжело дышала и ругалась. Когда накатывала новая схватка, она с усилием садилась, кричала и вслепую била руками вокруг себя. Схватив ее за запястье, я настойчиво шептал сквозь зубы молитву. Медперсонал по-прежнему обращался к нам совершенно спокойно. Никаких оснований для беспокойства не было. Однако по их глазам я увидел: что-то изменилось. Их движения стали отрывистыми, инструкции акушерки звучали резко, и вскоре воздух в комнате так сгустился, что кажется, давил на нас. Призвали врача, говорившего нервно и с акцентом, и я услышал слова

«экстренное кесарево сечение».

– Что происходит? – раз за разом спрашивал я.

Меня они не слышали. Акушерка наклонилась к Ульрике и жестко, по-деловому сказала:

– Ребенок застрял плечиками. Когда придет очередная схватка, тужься что есть мочи. Надо, чтобы ребеночек вышел.

Я крепко держал Ульрику за руку. Она тряслась всем телом.

– Дорогая, ты сможешь!

Она замерла и напряглась. В комнате стало тихо, и я буквально ощутил волну боли, пронесшуюся по ее телу, когда она изо всех сил тужилась.

– Боже, помоги!

Акушерка потянула изо всех сил, Ульрика издала звериный рык. Я крепко держал ее и клялся Богу, что не прощу ему, если это плохо закончится.

Тишина окутала нас, как мягкое одеяло. В этот момент можно было бы услышать, как Бог щелкнул пальцами. Самая длинная секунда в мире. Все, чем я дорожил, было брошено на весы. В голове у меня не осталось ни единой мысли, однако я знал, что все решается в этот момент. В тишине.

Оглянувшись, я увидел его. Синий окровавленный комочек на полотенце. В следующее мгновение комната заполнилась самым прекрасным детским криком, какой я когда-либо слышал.

Лицо Стеллы пронеслось у меня перед глазами, когда я несясь вслед за Ульрикой в кухню. Хотя нашей девочке уже девятнадцать, при мысли о ней я всегда вижу детское личико – полные любопытства глаза, веснушки и косички с резиночками.

Ульрика схватила трубку нашего городского телефона, висевшего на стене как реликвия. За время разговора я не спускал с нее глаз.

– Это был Микаэль Блумберг, – сказала она, положив трубку.

– Кто? Адвокат?

– Он только что назначен представлять интересы Стеллы. Она в полиции.

Моя первая мысль была – что наша дочь стала жертвой преступления. Авось ничего серьезного. Даже если ее ограбили или избили, это ничего. Лишь бы не изнасилование.

Беседуя об этом с другими отцами, я пришел к выводу, что совсем не одинок в своем жутком страхе – что мою дочь изнасилуют. Возможно, потому, что мы, мужчины, не представляем себе худшего преступления против другого человека, хотя и не можем во всей полноте ощутить, что это такое – жить в постоянном страхе стать жертвой сексуального насилия.

– Мы должны немедленно туда ехать, – выпалила Ульрика.

– Что произошло? – спросил я, вспомнив о странном телефонном разговоре и объявлении в Сети. – Что-то с мотороллером?

Ульрика бросила на меня такой взгляд, словно я сошел с ума:

– Черт с ним, с мотороллером!

По пути в прихожую она толкнула меня в плечо.

– Что сказал Блумберг? – спросил я, но не получил ответа.

В шоковом состоянии все люди проявляют себя по-разному – никто не может заранее предсказать, как поведет себя в острой ситуации. Я проходил антикризисные тренинги и знаю, как люди реагируют на тяжелые ситуации. Бессчетное количество раз я имел дело с людьми, находившимися в кризисном состоянии и пережившими психическую травму. В этот момент все это не имело ни малейшего значения.

Ульрика уже схватила свое пальто с вешалки в прихожей и направлялась к двери, но вдруг резко остановилась.

– Подожди, я должна сделать одно дело, – сказала она и вернулась в дом.

– Да расскажи наконец! Что сказал Блумберг?

Я понесся за ней через кухню. У лестницы она обернулась и замахала на меня руками:

– Подожди здесь. Я сейчас приду!

Я изумленно застыл на пороге и стал считать секунды.

Вскоре Ульрика снова спустилась по лестнице и протиснулась мимо меня.

– Что ты сделала?

Я вышел за ней в холл, продолжая повторять свои вопросы – что случилось и что сказал Блумберг.

И снова передо мной встало лицо Стеллы. Ее беззубая улыбка, маленькие ямочки на мягких щечках. И я подумал обо всем том, чего желал ей – и чего не получилось.

Знакомые предупреждали нас о тяготах младенческого периода. Никому из нас не удастся как следует высыпаться, ребенок будет орать, есть и какать, о сексуальной жизни можно забыть, мы начнем ненавидеть друг друга. Многие считали, что мы к тому же слишком молоды. Некоторые полагали, что мы испортили себе жизнь. Временами мне представлялось настоящим чудом, что люди вообще производят на свет детей.

Но Стелла оказалась образцовым младенцем. Очень скоро она научилась спать всю ночь, засыпала где угодно и просыпалась тихая и спокойная, всегда всем довольная, что многим кололо глаз. «Подождите, то ли еще будет», – говорили они. Друзья и коллеги, знакомые и родственники – все высказывались по этому поводу.

Чувствовать грудью биение сердца другого человека – значит ощущать Господа. Стелла лежала на мне, я гладил ее нежную кожу кончиками пальцев – и не мог наглядеться на нее. Под моими ладонями мягкие округлости ее тельца были податливы, как расплавленное стекло. Мы дышали в унисон.

Легко поверить в то, что лучшее впереди. Подозреваю, что это глубинная человеческая особенность. Даже Бог учит нас тосковать по тому, что будет.

Но почему же мы никогда не задумываемся о том, как

быстро проходит время, когда нам хорошо?

Первое слово Стеллы было «абба». Так она говорила и обо мне, и об Ульрике. Сейчас большинство шведов связывают это слово с поп-музыкой или маринованной селедкой⁷, но на языке Иисуса – арамейском – оно означает «папа».

Четыре прекрасных осенних месяца я провел со Стеллой в отпуске по уходу за ребенком и день за днем наблюдал, как развивается ее личность. Другие родители, приходившие на детские мероприятия в нашу общину, говорили, что она – папина дочка, каких свет не видел. Боюсь, лишь задним числом я в полной мере осознал суть этого выражения. В каком-то смысле вся моя жизнь была *esprit d'escalier*⁸.

Ни разу не удалось мне остановить мгновение. Все утекало между пальцев.

Похоже, я обречен тосковать.

---

⁷ «Abba Seafood» (*швед.*) – известная шведская компания, занимающаяся переработкой морепродуктов.

⁸ *Букв.: остроумие на лестнице (фр.)* – фраза, эквивалентная русской поговорке «Задним умом крепок».

Мы стояли в прихожей. Моя рука лежала на замке. Ульрика дрожала всем телом.

Почему звонил Блумберг? Что Стелла делает в полиции?

– Рассказывай!

– Я знаю только то, что сказал Микаэль.

Микаэль Блумберг. Его имени я не слышал несколько лет. Блумберг был известен не только в юридических кругах. Он прославился как один из лучших защитников в стране, представляя интересы обвиняемых во многих скандальных делах. То и дело фигурировал он в вечерних газетах и появлялся в качестве эксперта в телепередачах. Именно он взял когда-то Ульрику под свое крылышко, помог ей добиться успеха в качестве адвоката. Я никогда не питал к нему особой симпатии. Высокомерный и напористый тип.

Ульрика тяжело дышала. Глаза заметались, как перепуганные птицы.

Она попыталась протиснуться мимо меня в дверь, но я поймал ее, уперевшись руками в стену с двух сторон от нее.

– Стеллу задержала полиция.

Я слышал, что она говорит, слова достигали сознания, но понять их было невозможно.

– Это какая-то ошибка.

Ульрика покачала головой. В следующую секунду она

уронила голову мне на грудь, ее мобильный телефон упал на пол.

– Ее подозревают в убийстве.

Я похолодел.

Первое, что пришло мне на ум, – блузка Стеллы, покрытая пятнами.

Ульрика вызвала такси, пока мы шли в сторону дороги. У площадки для сбора мусора она выпустила мою руку.

– Подожди, – проговорила она и скрылась за мусорными баками и контейнерами.

Стоя на тротуаре, я слышал, как она кашляет и отплевывается. Ее рвало.

– Как ты? – прошептал я, когда мы пристегивались на заднем сиденье.

– Отвратительно, – ответила Ульрика, кашляя в ладонь.

Потом она стала набирать что-то на телефоне двумя пальцами, а я открыл окно, чтобы освежить лицо потоком прохладного воздуха.

– Вы не могли бы ехать побыстрее? – спросила Ульрика водителя.

Тот что-то пробурчал себе под нос, прежде чем надавить на газ.

Мне пришла на ум библейская притча об Иове. Такое мне ниспослано испытание?

Ульрика пояснила, что Блумберг ждет нас в полицейском

управлении.

– Почему именно он? – спросил я. – Разве не странноватое совпадение?

– Он выдающийся адвокат.

– Ясное дело, но какова вероятность?

– Некоторые вещи – просто дело случая, дорогой. Не все нам подвластно.

Мне не хотелось признаваться, что я недолюбливаю Блумберга. Не люблю плохо говорить о людях. Когда тебе кто-то не нравится по непонятным причинам, когда почти инстинктивно осуждаешь другого человека, опыт подсказывает, что проблема чаще всего в тебе самом.

Дав водителю на чай, я чуть ли не бегом кинулся вверх по лестнице к входу в полицейское управление – Ульрика уже дергала ручку двери.

В фойе нас встретил Блумберг. Я почти забыл, какой он огромный. Блумберг двинулся нам навстречу, словно медведь, так что полы пиджака заколыхались вокруг живота. Загорелый, в голубой рубашке и дорогом костюме, с зачесанными назад волосами, завивавшимися на затылке.

– Ульрика! – произнес он, но шагнул ко мне и пожал руку, прежде чем обнять мою жену.

– Микаэль, объясни мне, что происходит?

– Спокойствие, – ответил он. – Мы только что завершили допрос – этот кошмар скоро закончится. Полиция приняла очень поспешное решение.

Ульрика тяжело вздохнула.

– Одна молодая женщина указала на Стеллу, – продолжал Блумберг.

– Указала?

– Вы, наверное, слышали, что на детской площадке на Пилегатан нашли тело?

– Что Стелла могла там делать? На Пилегатан? – спросил я. – Это недоразумение.

– Именно так и обстоит дело. Но эта девушка живет в том же доме, что и убитый мужчина, и она утверждает, что видела там Стеллу вчера вечером. Говорит, что узнала ее – видела в магазине «Н & М». Похоже, это единственное, что следователи имеют против нее.

– Какое-то безумие. Неужели человека можно задержать на таких зыбких основаниях?

Я подумал о вчерашнем вечере, силясь вспомнить детали. Как я лежал без сна и ждал Стеллу, как она наконец вернулась домой и принимала душ, прежде чем проскользнуть в свою комнату.

– Она задержана? – спросила Ульрика.

– А в чем разница? – спросил я.

– Полиция имеет право задержать человека, но для ареста требуется санкция прокурора, – ответил Блумберг. – Следователь переговорит с дежурным прокурором, и потом Стеллу отпустят. Уверяю вас. Все это лишь досадная ошибка.

Голос его звучал слишком уверенно, таким я его и пом-

нил, и это очень тревожило меня. Адвокат, лишенный сомнений, скорее всего, не проявит должного усердия.

– Но почему они так поторопились ее задержать? – спросил я. – Если у них против нее больше ничего нет?

– Тут дело щекотливое, – вздохнул Блумберг. – Полиция хочет показать свою расторопность. Убитый-то не кто попал. – Повернувшись к Ульрике, он понизил голос: – Это Кристофер Ольсен. Сын Маргареты.

Ульрика охнула:

– Сын Мар... Маргареты?

– Кто такая Маргарета? – спросил я.

Ульрика даже не взглянула в мою сторону.

– Убитого звали Кристофер Ольсен, – сказал Блумберг. – Его мать зовут Маргарета Ольсен, она профессор в области уголовного права.

Профессор? Я пожал плечами:

– Какое это имеет значение?

– Маргарета – живой классик юриспруденции, – продолжал Блумберг. – Сын тоже сделал себе имя. Успешный бизнесмен, владелец недвижимости, заседавший в правлении нескольких компаний.

– Но ведь это не играет никакой роли? – спросил я с нарастающим раздражением.

Между тем мне вспомнились мои собственные слова. Такое случается только с алкоголиками и наркоманами. Конечно, это было утверждение, построенное на предрассудках, но

также на эмпирическом опыте и статистике. Иногда приходится закрывать глаза на исключения, чтобы не сойти с ума.

– Вообще-то, это не должно играть никакой роли, – произнес Блумберг, однако между строк читалось, что это все же играет роль и он вовсе не находит это странным.

– Сын Маргареты Ольсен, – задумчиво произнесла Ульрика. – Сколько же ему... было лет?

– Кажется, тридцать два. Или тридцать три. Смертельный удар, нанесенный колющим предметом. Полиция пока не разглашает детали. Во время допроса они очень интересовались, что делала Стелла вчера вечером и ночью.

– Когда его убили? – спросила Ульрика.

– Точно не известно, но свидетели слышали крики и шум около часу ночи. Вы слышали, как Стелла пришла домой?

Ульрика обернулась ко мне, и я кивнул.

Я вспомнил, как лежал и ворочался в кровати, не в силах заснуть. Вспомнил эсэмэску, которую послал, не получив ответа. Выходит, моя тревога была оправданной. Вспомнилось, как Стелла пришла домой, как возилась в ванной и постирочной. Сколько было времени?

– Должен найтись кто-то, кто обеспечит ей алиби, – сказал я.

Ульрика с Блумбергом дружно посмотрели на меня.

Микаэль Блумберг предложил подвезти нас домой на своей огромной машине. Летний вечер оказался очень теплым, по улицам города прогуливались люди, словно бы ничего и не случилось. Владельцы собак и молодежь, возвращающаяся с вечеринок, люди, идущие домой, или из дома, или куда глаза глядят, работники ночных смен и страдающие бессонницей. Повседневная жизнь продолжалась, невзирая на то что вся наша жизнь висела на волоске.

Когда мы подъехали к дому, Блумберг спросил, может ли еще что-нибудь для нас сделать. Он готов остаться и побыть с нами.

– В этом нет нужды, – заверил я его.

Ульрика стояла у машины, разговаривая с ним, я же поспешил в ванную. Меня прошибал пот, во рту пересохло. Я выпил воды из-под крана и обмыл лоб.

Когда я вышел в кухню, было далеко за полночь. Ульрика сидела, обхватив голову руками. Несмотря на поздний час и мои возражения, она начала обзванивать своих знакомых в полиции, журналистов и юристов – всех, кто мог чем-то помочь. Я сидел напротив, выискивая в Сети информацию о событиях на Пилегатан, Кристофере Ольсене и его маме-профессоре.

Прошел целый час, и я уже не мог усидеть на месте:

– Почему нет никаких новостей? Сколько времени все это занимает?

– Я позвоню Микаэлю, – сказала Ульрика и поднялась.

Заскрипела лестница, я услышал, как Ульрика закрыла дверь в свой кабинет. Тревожные мысли бередили мне мозг, страх расплзался под кожей тысячей мурашек.

Я бессмысленно бродил по кухне, вышел в прихожую и зашел обратно. Телефон я держал в руке, когда он вдруг зазвонил.

– Это Амина.

Она всхлипнула и откашлялась.

– Амина? Что-нибудь случилось?

– Прости, – прошептала она. – Я соврала.

Так я и думал. В пятницу она вовсе не встречалась со Стеллой. Они договаривались, но встреча не состоялась.

– Я совершенно растерялась, когда вы с Ульрикой спросили меня, – проговорила она. – Я взяла и солгала ради Стеллы. Я подумала, что вдруг что-то... Хотела сперва спросить у нее.

Я понимал ее. Что тут такого? Маленькая ложь во спасение.

– Но должен же быть кто-то другой, кто подтвердит ее алиби! – в отчаянии воскликнула Амина. – Это просто бред!

И в самом деле, какой-то сюрреализм. Вместе с тем происходящее обретало все более и более реальные черты. Перед глазами рисовалась картина – моя дочь в холодной гряз-

ной камере, куда сажают убийц и насильников.

Ульрика почти бегом спустилась по лестнице:

– Прокурор дал санкцию на арест Стеллы.

– Дал санкцию?

Сердце стучало. Пот выступил на лбу.

– Ее будут держать под арестом.

– Как это возможно? Ведь никаких доказательств нет!

– Вероятно, это связано со следственными действиями.

Полиция хочет что-то проверить, прежде чем отпустить ее.

– Типа алиби? – спросил я.

– Например.

Я понятия не имел, что делать. Тело протестовало. Я мог усидеть на месте не больше минуты, потом вставал и ходил кругами по дому. Словно зомби я бродил по комнатам, выходил наружу и в одних носках нарезал круги вокруг дома.

Когда из-за горизонта показались первые осторожные лучи солнца, мы по-прежнему ничего не знали. Я влил в себя столько кофе, что живот тревожно урчал, а мозг туманился от недосыпа.

Наконец позвонил Блумберг. Стоя напротив Ульрики в кухне, я затаил дыхание.

Она отвечала ему коротко и односложно. Закончив разговор, осталась стоять, прижав к уху телефонную трубку.

– Что он сказал? – спросил я.

Ульрика смотрела будто сквозь меня. Ее взгляд был устремлен куда-то в другое место.

– Мы должны покинуть дом. – Голос ее звучал тоненько, вот-вот готовый надломиться.

– Что? Что все это значит?

– Полиция едет сюда. Они будут делать обыск.

Я тут же подумал о перепачканной блузке. Но ведь это не может быть кровью? Само собой, должно быть какое-то разумное объяснение. Все так, как говорил Блумберг, – недо-разумение, поспешные решения...

Стелла никогда бы не... Или все же?..

Я прокрался в постирочную комнату и приподнял стопку вещей, под которую засунул блузку. Мои руки похолодели.

Блузки не было.

– Что ты там делаешь? – окликнула меня Ульрика из кухни. – Нам надо уходить.

В отчаянии я рылся среди других стопок с бельем, но так ничего и не нашел. На веревке тоже ничего не висело. Блузка исчезла.

– Пошли! – крикнула мне Ульрика.

Будущее всегда светлое, но порой оно ослепляет, как зимнее солнце сквозь утренний туман. Никакой тревоги, хотя и приходилось идти вперед нехоженными путями. Помню Стеллу с молочными зубами и двумя хвостиками. Как она отказывалась засыпать одна после того, как прочла книжку про привидение по имени Лабан. Помню, как провожал ее в садик – каждый день, год за годом. Ее взгляд за окном, когда она все махала и махала мне. Моя малышка, которую дразнили в садике мальчишки – они обзывали ее Христовой говнючкой, и она рыдала, уткнувшись в подушку, хотела бросить все на свете и уехать за тысячу миль. А я, несколько лет работавший пастором в тюрьме, имевший опыт общения с убийцами и насильниками, прошедший тренинг по стрессоустойчивости, разъярился настолько, что схватил одного из обидчиков за плечо и пригрозил ему неприятными последствиями.

Помню, как нас пригласили на беседу в садик, когда Стелле было пять лет. На самом деле была очередь Ульрики, но так получилось, что в то утро я тоже оказался свободен и решил пойти с ней. Мы сидели в зале для совещаний сотрудников, а дети играли под окном.

– Лучше опустим шторы, – сказала воспитательница и перегнула через стол.

Ее было около сорока – седые волоски в челке и потрясаящая способность мгновенно переключаться с самого безмятежного выражения лица и напевности в голосе на суровую мимику и отрывистые приказания. Вероятно, это необходимо при такой работе.

– Вам у нас понравилось? – спросила она, когда мы уселись.

Мы с Ульрикой посмотрели друг на друга и кивнули. Нам казалось, что все хорошо.

Воспитательница, которую звали Ингрид, рассказала нам обо всех развивающих играх и занятиях, которым они посвящали время в течение осени и зимы. У нее была папочка с рисунками Стеллы и ее фотографии, когда она играла на площадке, стояла вместе с другими на экскурсии или сидела на полу. Мы с Ульрикой смотрели, улыбались и кивали. Нас не покидало ощущение, что мы ждем чего-то другого, словно все это лишь вступление, разбег, чтобы Ингрид могла обратиться с мыслями для основного разговора.

Повисла небольшая пауза. Ингрид рассеянно перелистывала свои бумаги, глядя в одну точку.

– Некоторые родители вызывают тревогу, – сказала она, не глядя на нас. – Иногда Стелла склонна доминировать, и... она легко может рассердиться... если что-то не по ней.

Естественно, мы об этом знали, хотя и надеялись, что в садике это не так заметно, как дома. А тот факт, что другие родители высказывались по поводу моего ребенка, мне по-

казался неприятным и провокационным.

– Неужели все так плохо? Ей ведь всего лишь пять лет.

Ингрид кивнула.

– Несколько родителей обратились к заведующей, – сказала она. – Важно, чтобы Стелле помогли справиться с этим как в садике, так и дома.

– А в чем дело? И что это за родители? – спросила Ульрика.

– Вы не могли бы уточнить? – попросил я. – Что Стелла делает не так?

Ингрид снова перелистала бумажки.

– В ролевых играх, например, когда дети играют, Стелла всегда стремится решать все за всех.

Ульрика пожала плечами:

– Иногда хорошо, что кто-то берет на себя роль лидера, не так ли?

– Я знаю, что Стелла может показаться напористой, – сказал я. – Вопрос в том, нужно ли с этим бороться. Как сказала Ульрика, полезно иметь лидерские качества – наша дочь энергична и настойчива.

Ингрид нервно почесала правую бровь:

– На прошлой неделе Стелла сказала, что она как Бог. Остальные дети должны ей подчиняться, потому что она как Бог, а Бог все решает.

Взгляд Ульрики чуть не прожег мне бок. Стелла не раз бывала со мной в церкви, интересовалась моей работой и уже

задавала экзистенциальные вопросы, но я никогда не предложил бы ей готовые решения и ответы. Всемогущество Бога – та тема, которую я не затрагивал в присутствии дочери.

– Мы поговорим со Стеллой, – кратко ответил я.

Когда мы сидели в машине по пути домой, Ульрика решительно выключила радио.

– Просто невероятно, что` люди думают по поводу чужих детей!

– Не стоит волноваться, – ответил я и снова включил музыку. – Ей всего лишь пять лет.

Тогда я и понятия не имел, как быстро пролетит время.

Воскресным утром я сидел в помещении для допросов со спартанской мебелью и ожидал, когда мною займутся. Мне дали чашку крепкого кофе, минуты тянулись медленно и му-чительно, у меня чесалось во всех местах сразу. Комиссара криминальной полиции, наконец прибывшего для допроса, звали Агнес Телин. В ее глазах я прочел сочувствие. Она на-чала с того, что прекрасно понимает, что я испытываю, – у нее самой два сына в возрасте Стеллы.

– Понимаю, что вы напуганы и расстроены.

– Я бы так не сказал.

Более всего я ощущал гнев. Это звучит странно – во вся-ком случае, теперь, но, по всей видимости, я находился на стадии шока. Подавив страх и скорбь, я сосредоточился на вопросах выживания – выживания моей семьи. Я должен вы-вести всех нас из этой ситуации.

– Что вы ищете? – спросил я.

– Вы о чем?

– Ваш обыск. Куча полицейских, которые в данный мо-мент роются в моем доме.

Комиссар криминальной полиции Телин кивнула:

– Мы ищем вещественные доказательства. Это может быть все, что угодно. Возможно, мы найдем что-то, что го-ворит в пользу Стеллы, подтверждает ее рассказ. Или же мы

ничего не найдем. Мы стараемся выяснить, что же произошло.

– Стелла не имеет ко всему этому никакого отношения, – заявил я.

Агнес Телин кивнула:

– Давайте по порядку. Можно попросить вас начать с того, что вы делали в пятницу?

– Весь день провел в церкви.

– В церкви?

У нее это прозвучало так, будто церковь – последнее место на земле, куда бы она сама отправилась.

– Я пастор, – пояснил я.

Несколько мгновений Агнес Телин смотрела на меня с открытым ртом, потом взяла себя в руки и принялась усердно перелистывать свои бумаги.

– Стало быть, вы... работали?

– Во второй половине дня у меня были похороны.

– Похороны, хорошо. – Она что-то записала в блокноте. – В какое время вы вернулись домой?

– Примерно около шести.

Я рассказал, как принял душ и приготовил свинину в горшочке, которую мы с Ульрикой поели на ужин. После еды мы сыграли партию в настольную игру, а потом отправились спать. Стелла работала до семи, затем должна была встретиться в центре города с подругой.

Агнес Телин спросила, связывался ли я со Стеллой в тече-

ние вечера, и я ответил, что послал ей эсэмэску, но не помню, ответила ли она.

– Часто случается, что она не отвечает на ваши сообщения?

Я пожал плечами:

– Ведь у вас свои дети-подростки.

– Но сейчас мы говорим о Стелле.

Я пояснил, что такое вполне допустимо. Рано или поздно ответ все же приходил – но чаще поздно. К тому же случалось, что этот запоздалый ответ состоял из смайлика или поднятого большого пальца.

– Кто эта подруга?

Я сглотнул.

– Что вы имеете в виду?

– Кто та подруга, с которой Стелла собиралась встретиться? И потом гулять в центре?

Я опустил глаза в стол:

– Моей жене Стелла сказала, что собирается встретиться со своей подругой Аминой. Но мы поговорили с Аминой и узнали, что в пятницу они не встретились.

– Как вы думаете, почему Стелла солгала?

Это слово вывело меня из себя.

– И вовсе она не солгала. Амина рассказала, что они собирались встретиться, но потом у Стеллы изменились планы.

– Как вы думаете, куда она пошла вместо этого?

Я не ответил. С какой стати мне тут строить догадки? Что

я по этому поводу думал, вряд ли имело значение.

– Вам известно, что она делала? – спросила Агнес Телин.
Это куда более разумный вопрос.

– Нет.

Агнес Телин снова молча перелистала свои бумаги. На самом деле прошло всего несколько секунд, но я успел прочувствовать, что эта тишина несла в себе некий смысл.

– Какой у Стеллы мобильный телефон? – спросила комиссар.

Я объяснил, что у нее айфон, но я всегда путаю модели. Во всяком случае, он белый, это я точно могу сказать.

– У нее есть еще один?

– Нет.

Само собой, полиция найдет телефон у нас дома и конфискует его. На мгновение я взвешивал, не сказать ли Телин, что Стелла забыла телефон дома, но решил этого не делать. Странно, чтобы девятнадцатилетняя девушка забыла дома телефон. Словно с ней что-то не так.

– Есть ли у Стеллы перцовый баллончик?

– Перцовый баллончик? Как у полицейских?

– Именно. У Стеллы есть такой баллончик?

– Разумеется, нет. Я вообще не знаю, законно ли это.

Меня начало подташнивать.

– В каком часу вы легли спать в пятницу? – спросила Агнес Телин.

– Около одиннадцати.

– Вы сразу заснули?

– Нет, я не мог уснуть.

– Стало быть, вы долго не спали?

Я затаил дыхание. Мысли вертелись в голове. Расплывчатые образы Стеллы – маленькой девочки, гордого подростка, взрослой женщины. Моя доченька. Наша семья: Ульрика, я и Стелла. Фотография на окне.

– Я лежал без сна, ожидая Стеллу. Не важно, что дети взрослые. Все равно волнуешься.

Агнес Телин кивнула. Мне показалось, что она поняла меня.

То, что произошло потом, мне трудно объяснить.

Ничего такого я не планировал. Пришел на допрос с намерением сделать все, чтобы помочь следствию. Ни на секунду я не задумывался над тем, чтобы отклониться от истины.

– Так вы не спали, когда вернулась Стелла?

У Агнес Телин были большие добрые глаза.

– Угу.

– Что, простите?

– Так и есть, – ответил я, заставив себя говорить громче. – Я не спал, когда Стелла пришла домой.

– Можете примерно сказать, сколько было времени?

– Я могу точно сказать.

«Что такое ложь?» – подумал я. Раз есть несколько видов истины, должно существовать и несколько видов лжи. Ложь во спасение, например, – к ней я никогда не относил-

ся с предубеждением. Лучше щадящая ложь, чем ранящая правда. Так и рассуждал всегда.

Но здесь ситуация была, конечно, немного иная.

– Часы показывали двадцать три сорок пять, когда Стелла вернулась домой.

Комиссар Телин уставилась на меня, а девятая заповедь, подобно змее, извивалась в животе. В Библии сказано, что «лжесвидетель не останется ненаказанным и кто говорит ложь, не спасется». С другой стороны – мой Бог справедливый и всепрощающий.

– Откуда вы знаете? – спросила Агнес Телин. – Я имею в виду – с такой точностью?

– Я посмотрел на часы.

– Какие часы?

– В мобильном телефоне.

В Евангелиях есть строфа о том, что дом, разделившийся сам в себе, падет. Внезапно я осознал, что позабыл о своей семье. Относился к ней невнимательно. Воспринимал ее как данность. Не был тем отцом и мужем, которым мне надлежало быть.

Я по-прежнему ничего не знал о том, что произошло на детской площадке у Пилегатан, когда этот мужчина лишился жизни, но одно мне было доподлинно известно: моя дочь не убийца.

– А вы уверены, что это именно Стелла пришла домой? – спросила Агнес Телин.

– Разумеется.

– В смысле – не может быть, что вы слышали что-то другое?

Я безмятежно улыбнулся, внутренне разрываясь на части:

– Я уверен. Я разговаривал с ней.

– Так вы разговаривали с ней? – выпалила Агнес Теллин. – Что она сказала? Вам не бросилось в глаза что-нибудь необычное?

– Нет. Собственно, мы просто пожелали друг другу спокойной ночи.

И вновь змея принялась извиваться у меня в животе. Меня не покидало чувство, что не я, а кто-то другой сидел в тесной комнатке для допросов, произнося эти слова.

В первом письме к святому Тимофею апостол Павел пишет: тот, кто не умеет управлять собственным домом, будет ли печься об Иисусе? Я не очень хорошо заботился о своей семье. Теперь мне представился шанс все исправить.

Я подумал, что *именно так поступают в семье. Защищают друг друга.*

В то лето, когда мне исполнилось шестнадцать, Оса из параллельного класса, о которой я вздыхал много лет, наконец-то стала моей девушкой и я чувствовал себя счастливым, как никогда. Но во время пребывания в кемпинге в Даларне я познакомился с Дорис, которая была на два года старше меня, курила сигареты с ментолом и писала роман. Между мной и Дорис ничего не было, но, вернувшись домой, я мучился угрызениями совести и в конце концов рассказал Осе о Дорис – даже о том, что мне хотелось ее поцеловать, хотя прекрасно знал, что мы с Дорис вряд ли когда-нибудь еще встретимся. Оса немедленно дала мне от ворот поворот, а вскоре распространились слухи обо мне как об изменнике, которому нельзя доверять. Ни одна девушка в Блекинге больше не хотела со мной встречаться, однако я внутренне был абсолютно уверен, что поступил правильно.

Я вырос в семье, где были приняты ценности семидесятых – свобода и солидарность. Мой отец выращивал экологически чистые овощи и всегда завтракал нагишом в кухне – с кофе и свеженабитой трубкой. Моя мать рассказала мне все о менструальном цикле и ночных поллюциях еще до того, как я пошел в первый класс. Правила и запреты практически отсутствовали. Достаточно было здравого смысла и внутренней морали.

– Хорошо ли тебе на сердце? – спросил меня отец, застав за тем, что я таскал сестру за волосы, так что клоки волос оставались в руках.

Этого оказалось достаточно, чтобы я расплакался от стыда и чувство вины.

Несколько раз я пытался опробовать это на Стелле.

– Хорошо ли тебе на сердце? – спросил я, когда мне позвонил директор школы и рассказал, что она забросила шапку другой девочки на крышу.

Стелла уставилась на меня:

– Сердце ничего не чувствует. Оно стучит, и все.

Я глубоко убежден, что нет ничего труднее, чем быть родителем. Во всех остальных отношениях всегда есть запасной выход. Ты можешь покинуть партнера или партнершу – все так поступают иногда, когда любовь иссякла, когда ты перерастаешь другого или на сердце становится нехорошо. Друзей и знакомых ты тоже можешь оставить у дороги, родственников – и даже братьев-сестер и родителей. Ты можешь оставить их и идти дальше, и все у тебя сложится в жизни. Но ребенка ты никогда не сможешь бросить.

Когда родилась на свет Стелла, мы с Ульрикой были молоды и неопытны. Ясное дело, мы понимали, что будет трудно, но наши мучения вертелись в основном вокруг житейских вещей – недосыпа, болезней и проблем с грудным вскармливанием. Прошло немало времени, прежде чем до нас дошло: в родительской миссии это далеко не самое трудное.

Почти десять лет мы с Ульрикой пытались подарить Стелле братика или сестричку. Временами вся наша жизнь вращалась вокруг этой задачи, отнимающей все наши силы. Мы кидались в бой, одурманенные мечтой о победе. Мы внушали себе, что крошечная полоска в тесте на беременность стала бы универсальным решением для всего.

Мы не замечали, что происходит с нами, как мы все глубже закапываемся в яму вины, стыда, чувство собственной неполноценности.

Сидя на отделении ЭКО⁹, мы обменивались косыми взглядами через голову Стеллы, строившей на полу замок из лего. Снова негативный ответ. Оплодотворения не получилось.

В машине по дороге домой я сказал Ульрике:

– Это не судебное заседание! Тут нет виновного!

Она хмыкнула, глядя в запотевшее окно:

– Тогда я валю все на Господа. Ты можешь объяснить, почему Бог не дарует нам ребенка?

– У нас есть ребенок, – ответил я и подался вперед, чтобы включить радио на полную катушку – так, что колонки затрещали, словно вот-вот взорвутся.

В последние годы мы были настолько поглощены нашей битвой с природой и друг другом, что на какой-то момент забыли, за что боремся. Мне довелось читать о солдате в окопах Первой мировой, который, забыв, с кем сражается, начал

---

⁹ ЭКО – экстракорпоральное оплодотворение.

стрелять по своим соотечественникам.

Однажды вечером, после очередной попытки ЭКО, Стелла с всклокоченными волосами стояла в прихожей в пижаме и смотрела на нас заспанными глазами. Кажется, она только что пошла в школу – ей было около семи. Мы с Ульрикой резко постарели – горечь и молчание поселились в трещинах нашего когда-то гордого «мы». Похоже, у нас не оставалось уже ничего общего, кроме нашей борьбы.

– Я не хочу братика или сестричку, – резко заявила Стелла.

После допроса я позвонил Ульрике. Она только что проезжала мимо нашего дома – но там по-прежнему работали полицейские.

– Они думают, что Стелла замешана в этой истории, – сказал я. – Это просто какой-то кошмарный сон.

– Что ты сказал полицейским? – захотела узнать Ульрика.

– Я сказал, что точно знаю, когда Стелла вернулась домой в пятницу вечером. Пояснил, что я не спал и разговаривал с ней.

Некоторое время Ульрика молчала.

– И сколько было времени? – спросила она.

Я набрал воздуха в легкие. Ненавижу лгать. К тому же лгать собственной жене. Но альтернативы не было. Замешивать в это Ульрику я не мог. Она ничего не знает – она спала, когда вернулась Стелла. Как я объясню ей, что солгал в полиции?

– Двадцать три сорок пять, – ответил я.

Ощущение было вовсе не такое ужасное, как я ожидал. Внутреннее сопротивление таяло с каждым разом, когда я произносил эту ложь.

Ульрика сказала, что идет на встречу со знакомым следователем. Мне же в настоящий момент заняться было нечем. Полное бездействие – и так много всего нужно сделать. Быст-

рым шагом я отправился к площади Банторгет. Солнце било в лицо, заставляя меня опустить глаза. В голосах, раздававшихся вокруг, звучали обвинительные нотки. Я прибавил шагу. Казалось, весь город таращится на меня.

Во второй половине дня полицейские наконец-то уехали. Когда я вернулся домой, Ульрика сидела на допросе у комиссара криминальной полиции Агнес Телин. В животе у меня неприятно защекотало, когда я, отперев дверь, медленно прошел по комнатам. Что касается уважительного отношения со стороны полиции, жаловаться не приходилось – немногочисленные следы их пребывания были едва заметны. Однако меня заедало чувство, что кто-то вторгся в мою личную жизнь.

Я прошел по первому этажу, заглянув в постирочную, прихожую и гостиную, даже в камин. Затем поднялся по лестнице в комнату Стеллы. Некоторое время я стоял в дверях, и меня охватило чувство, что в комнате ужасно пусто. Должно быть, полицейские многое забрали с собой.

У окна нашей спальни я задержался на некоторое время, разглядывая фотографию, которую случайно уронил накануне. Я медленно провел пальцем по стеклу – от этого мне стало легче на душе. Нет на свете ничего важнее семьи.

За окнами сгущались сумерки. Взглядом я проследил за вереницей уличных фонарей, уходящих к горизонту, и подумал, что милость снизойдет на терпеливого. Праведник идет

своим путем.

Тут я заметил, что на другой стороне улицы стоят соседи и тычут пальцами в наши окна. Я рывком опустил рулонную штору. Одновременно я решил позвонить председателю церковного совета и сообщить ему, что заболел. Он искренне огорчился за меня, сказал несколько слов в утешение и посоветовал мне оставаться дома столько, сколько нужно, заверив, что я могу не беспокоиться за общину.

Когда я позвонил Ульрике, она только что вышла после допроса.

– Все не так просто, как думал Блумберг, – сказала она.

Голос звучал отрывисто. Я не мог понять, что это – плохая связь или Ульрика вот-вот расплачется.

– Что ты имеешь в виду?

В трубке несколько раз щелкнуло. Я слышал сдавленное дыхание жены.

– Должно быть, полиция что-то обнаружила в нашем доме. Прокурор только что подал в суд заявление о переводе в следственный изолятор.

Адвокатская контора Микаэля Блумберга находилась на четвертом этаже здания по Клостергатан, в двух шагах от Гранд-отеля. В понедельник утром, задолго до открытия, мы с Ульрикой уже ждали там. На лице моей жены ясно отражался недостаток сна. Хотя я и сам двое суток не сомкнул глаз, усталость не казалась мне непобедимой. Слишком много было внутренних переживаний.

В кабинете под высоким потолком с лепниной и завитушками нам подали по чашке кофе, пока Блумберг расхаживал туда-сюда в своих начищенных до блеска кожаных ботинках, засунув большие пальцы рук в задние карманы штанов.

– Заседание по избранию меры пресечения состоится в тринадцать часов, – сказал он.

В груди затрепетало. Наконец-то мы увидим Стеллу.

– На месте преступления полиция обнаружила отпечаток обуви, – продолжал Блумберг, почесывая шею. – Такого же размера и с таким же рисунком на подошве, как у Стеллы.

Я сжал руку Ульрики.

– И все? – спросил я. – Единственное доказательство? А при обыске они ничего не нашли?

– Пока рано что-либо утверждать. Некоторые предметы, изъятые из вашего дома, отправлены на анализ в лабораторию.

– Это обычно затягивается? – спросил я.

– Ответ будет получен через несколько дней, – ответил Блумберг. – Сейчас речь идет о помещении в следственный изолятор. Проще говоря, Стеллу будут держать в изоляторе, пока полиция не получит ответа из криминалистической лаборатории. Чтобы человека поместили в изолятор по подозрению в преступлении, многого не нужно.

– То есть достаточно даже отпечатка обуви?

Блумберг взглянул на Ульрику, как бы предполагая, что она должна что-то сказать. Словно в ее обязанности входило объяснять все своему недотепа-мужу.

– Мне кажется, вы должны быть готовы к тому, что ее поместят в изолятор.

Это звучало так, будто нам следовало покориться судьбе. Ужасно. Я взглянул на Ульрику – она молча кивнула. Что происходит?

– Кто прокурор? – спросила Ульрика.

– Йенни Янсдоттер.

– Она – один из лучших прокуроров.

Мне трудно было судить, хорошо это для нас или плохо. Как-то не доводилось углубляться в тексты законов о лишении свободы. Большинство людей, к счастью, никогда с этим не сталкивается. Несмотря на то что я женат на адвокате, мои познания в данном вопросе, мягко говоря, ограничены. Теперь-то я знаю, как немного требуется улик, чтобы засадить человека за решетку. Сколько раз я слышал прямо против-

положное – полицейские с горечью сетовали, что преступника освобождают еще до того, как его успели посадить под замок, общественное мнение стоит на том, что шведская правоохранительная система разваливается и слишком много заботится о правах подозреваемых и осужденных, не принимая в расчет страдания потерпевших и их близких. Раздавались призывы ужесточить наказания, строже обращаться с преступниками. Я сам, работая в тюрьме, не раз думал в таком же ключе. У меня не было повода взглянуть на все это с другой стороны.

– Кроме того, у прокурора есть свидетель. Соседка, – продолжал Блумберг и, подавшись вперед, прочел: – Мю Сенневаль.

Он произнес это спокойным тоном, словно призывая нас смириться. Но ведь он должен быть в ярости! Рваться в бой!

– Свидетельница, – проговорил я, – как она может быть уверена, что видела именно Стеллу? Ведь она ее не знает.

– Она утверждает, что много раз видела ее в «Н & М».

– Много раз... – повторил я.

Ульрика толкнула меня в бок.

– Что говорит Стелла?

Блумберг откашлялся и провел рукой по волосам. И снова он заговорил, обращаясь только к Ульрике. С каждой секундой во мне росла убежденность в его некомпетентности.

– После закрытия магазина Стелла пошла с несколькими коллегами в ресторан на Главной площади. Они поужинали

и выпили по бокалу-другому вина. Около половины одиннадцатого Стелла покинула ресторан. Все коллеги это подтверждают. О том, куда она направляется, она ни словом не обмолвилась, однако все были уверены, что она сядет на велосипед и поедет домой.

– Но она этого не сделала?

– Сама Стелла говорит, что поехала в сторону «Тегнерс» и зашла еще в несколько баров. Она точно не помнит, где находилась в тот или иной период времени.

Мы с Ульрикой переглянулись. Это совсем не походило на алиби. Скорее, уклончивый ответ, который дал бы виновный. Почему она не приложила усилий, чтобы вспомнить какие-нибудь детали?

– Должна же она вспомнить что-нибудь еще! – воскликнул я. – Неужели нет людей, которые ее видели? Ведь она знает полгорода!

Блумберг посмотрел на Ульрику.

– Что еще известно о времени происшествия? – спросила она. – Эта свидетельница, Сенневаль, слышала крики и шум около часу ночи?

– Верно. В первых отчетах говорится, что все произошло вскоре после часа ночи, но теперь ожидается заключение судмедэкспертизы, прежде чем что-либо будет установлено окончательно.

Ульрика взглянула на меня:

– Если выяснится, что Кристофер Ольсен был убит в час

ночи, это будет означать, что у Стеллы алиби.

– Именно, – проговорил Блумберг.

У меня перед глазами замелькали светлые и темные точки.

– И не какое попало, – добавил звездный адвокат с довольной улыбкой. – Все, с кем я говорил, единодушны в том, что ты, Адам, – сама честность.

Я с трудом проглотил ком в горле.

Заседание суда началось сразу после обеда. Тысячи раз проходил я мимо здания суда, мимо этого необычного фасада, облицованного плитами из серого сланца с медными элементами и маленькой колокольней перед входом. Впервые я вошел внутрь, и меня заставили вывернуть карманы. Словно распятый, стоял я при входе, пока охранник обыскивал меня металлодетектором. Затем я уселся в коридоре рядом с Ульрикой на скамью, напоминающую кушетку, и стал ждать. В коридоре стоял затхлый запах.

Каждый раз, когда открывалась входная дверь, мы подсказывали, так что охранники дергались, и в конце концов они попросили нас соблюдать спокойствие.

Наконец появилась Стелла, зажатая между двумя мужчинами в униформе. Казалось, она висит в воздухе, как привидение, между двумя широкоплечими конвоирами. В нашу сторону она даже не взглянула. Ульрика кинулась вперед и обхватила ее обеими руками, но охранники ее тут же отогнали.

– Стелла! Девочка моя!

Я протиснулся между конвоирами, чтобы прикоснуться к своей дочери, но один из парней выставил свои бицепсы и преградил мне путь.

– Держись, Стелла, скоро все закончится! – крикнула Уль-

рика.

Лицо у Стеллы было серое, глаза потухли – было и что-то еще, чего я не замечал у нее раньше. Отчаяние. На ее лице отражалась усталость такого рода, какая бывает только у людей, смирившихся и предоставивших все судьбе или, как в данном случае, системе. Человек словно говорит: «Делайте что хотите». В глазах нет ни единой искорки жизни.

Я встречал людей, капитулировавших перед обстоятельствами. Людей, которые настолько утратили смысл своего существования и волю, что не могут найти энергии даже на то, чтобы покончить с собой.

Когда Стеллу ввели в зал судебных заседаний, я рухнул в лимбус неизвестности. Я словно завис в воздухе, размахивая руками и ногами, в тщетных поисках точки опоры.

Зал заседаний оказался не больше гостиной. Председательствующий перелистывал бумаги, пока мы занимали места на скамьях для публики. Блумберг придвинул Стелле стул, и когда она попыталась сесть, казалось, что она разваливается на куски, части тела больше не были соединены в единое целое, – Блумбергу пришлось поддержать ее обеими руками.

Мы с Ульрикой сидели, вцепившись друг в друга. Наша девочка находилась в пяти метрах от нас, а мы не могли даже дотронуться до нее.

Прокурор вошла на высоких каблуках, заранее возвестив-

ших о ее приближении по всему коридору. Упругие шаги, дорогая одежда, позвякивающие украшения на шее и запястьях, типичное тело гимнастки: невысокая, стройная, тренированная, ноги колесом. На ней были очки в прямоугольной оправе, а волосы на голове аккуратно прилизаны, ни один волосок не выбивался. Разложив свои бумаги на столе в три большие стопки, она поправила их, сверкнув рубиновыми ногтями, и пожала руку Блумбергу и Стелле.

Не успел я сообразить, что суд начался, как председательствующий принял решение, что заседание будет закрытым, и охранник сообщил, что мы с Ульрикой должны удалиться.

– Это моя дочь! – крикнул я ему в лицо.

Охранник изумленно покосился на мой пасторский воротничок.

Любить – самая трудная задача для человека. Понимал ли Иисус, о чем он просит, когда призывал нас возлюбить ближнего своего, как самого себя?

Можно ли продолжать любить убийцу?

Пока я снова сидел в ожидании у дверей зала суда, во мне стала крепнуть одна мысль. Она возникала и ранее, но только теперь я позволил себе остановиться на ней. Мысль о том, что Стелла может быть виновна.

Пятна на блузке. Конечно, это могло быть все, что угодно. Но почему никто не видел Стеллу? Кто-нибудь, кто мог бы подтвердить, где она была и что делала. Несколько часов

в пятницу вечером оказались провалом, пустотой. Чем она занималась в это время?

Не раз сидел я перед жуткими убийцами, обещая им безусловную любовь Господа. Человеческая любовь – нечто иное. Мне вспомнились слова апостола Павла о том, что любовь сорадуется истине, все покрывает, всему верит, все переносит.

Ради семьи. Вот о чем я подумал в тот момент. Я должен сделать все ради своей семьи. Слишком часто я терпел неудачу в своих стараниях быть лучшим в мире мужем и отцом. Теперь мне выпал шанс все исправить и искупить.

Когда вновь открылись двери зала заседаний, тело мое так отяжелело, что Ульрике пришлось помочь мне встать и войти туда. Перед нами сидела Стелла, уронив голову в ладони.

Мы с Ульрикой вцепились друг в друга, как два утопающих в бурном море.

Дверь за нашими спинами захлопнулась, и судья обвел взглядом помещение:

– Стелла Сандель на основании представленных улик подозревается в убийстве.

Ни один родитель никогда не поверит, что ему когда-либо доведется услышать имя своего ребенка в подобной ситуации. Никто, когда-то державший ребенка на руках, видевший, как тот дрыгает крошечными ножками и радостно гулит, не может представить себе ничего подобного. Это происходит с кем-то другим. Не с нами.

Крепко сжав руку Ульрики, я думал, что мы совсем не такие. У нас нет проблем с зависимостью, мы люди с высшим образованием и высокими доходами. У нас прекрасное здоровье – как физическое, так и психическое. Мы не какая-нибудь проблемная семья из дальних пригородов с социальными и экономическими проблемами.

Мы – самая обычная семья. Мы не должны сидеть здесь. И тем не менее мы здесь.

После заседания суда мы с Ульрикой в полном молчании ожидали Блумберга в конторе. Я вставал, снова садился и снова вскакивал. Подходил к окну и вздыхал.

– Где он?

Ульрика сидела неподвижно, уставившись в стену.

– Когда нам дадут поговорить со Стеллой? – спросил я. – Это бесчеловечно – держать ее в полной изоляции.

– Так это и делается, – ответила Ульрика. – Пока идет следствие, она будет в изоляторе.

Наконец появился Блумберг. Его щеки, напоминавшие два апельсина, теперь казались еще краснее. Он говорил возбужденно, взалхлеб, словно взволнованный персонаж из мультика.

– Я поручил всем своим людям проверить Кристофера Ольсена. Выяснилось, что у него тоже есть труп в шкафу – уж извините за это выражение, – и даже не один.

Извинять его мне не хотелось, но сказанное меня слишком заинтриговало, и я промолчал, желая услышать продолжение.

– Рассказывай!

– Будучи бизнесменом, легко наживаешь себе врагов, – сказал Блумберг. – Но в случае с Ольсеном это не просто враги. Похоже, он вступил в конфликт с поляками, у которых

список прежних судимостей нескончаем, словно проповедь.

Я состроил скептическую гримасу. Уж слишком все это смахивало на плохой полицейский сериал.

– Весной Ольсен прикупил недвижимость. А поляки держат на первом этаже пиццерию, от которой он мечтает отделаться. Думаю, такое соседство не очень хорошо сказывается на ценах за жилье.

– Но способ не указывает на мафиозное убийство, – возразила Ульрика.

– Кто говорит о мафии? Я упомянул лишь о польских держателях пиццерии. Но дальше будет еще интереснее.

Мне вся эта ситуация все меньше нравилась. В моем представлении расследованием убийства занимается полиция, а не адвокат. Кроме того, как-то некрасиво в чем-то подозревать жертву преступления.

– Всего полгода назад на Кристофера Ольсена было подано заявление в полицию по поводу многократных избиений и изнасилований. Было начато предварительное следствие, но через пару месяцев прокурор решил закрыть его за недостатком доказательств.

Блумберг сделал театральную паузу, окинув нас взглядом:

– Заявление подала бывшая сожительница Ольсена, прожившая с ним три года. По ее словам, Кристофер – насильник и жестокий тиран, загубивший ее жизнь.

Ульрика изменилась в лице:

– Стало быть, ей не удалось ничего доказать?

– Нет, – сказал Блумберг.

– Ее наверняка переполняет жажда мести.

Блумберг кивнул.

Ульрика повернулась ко мне:

– Ты понимаешь, что это значит?

План Блумберга состоял в том, чтобы представить альтернативного подозреваемого и вызвать обоснованные сомнения в виновности Стеллы. Польские владельцы пиццерии были первым вариантом, но бывшая сожительница Ольсена оказалась куда более подходящей кандидатурой.

– Но она, возможно, не имеет ко всему этому никакого отношения, – сказал я Ульрике, когда мы сидели ночью на диване, не в силах уснуть. – Разве не лучше будет предоставить это полиции?

Она взглянула на меня как на глупого пастора:

– Именно этим и занимаются адвокаты.

– Но разве не достаточно будет доказать, что Стелла невиновна? Представь себе, что другой человек попадет в трудную ситуацию. Ее избивали, насиловали, а теперь...

Ульрика резко поднялась:

– Мы говорим о Стелле! Наша дочь сидит в следственном изоляторе!

Само собой, она права. Нет задачи важнее, чем как можно скорее вызволить Стеллу. Допив виски, я встал и подошел к камину. Когда я открыл стеклянную дверцу, жар ударил мне

в лицо, и я вынужден был подождать пару минут, прежде чем засунуть в камин кочергу, так что пепел полетел во все стороны и облако дыма поднялось над моей головой.

– Ты любишь меня? – спросил я, не глядя на Ульрику.

– Солнышко мое, ясное дело, я тебя люблю. – Она потянулась ко мне и погладила меня по затылку. – Тебя и Стеллу. Я люблю вас больше всего на свете.

– Я тебя тоже люблю.

– Это просто какой-то кошмарный сон, – проговорила Ульрика. – Никогда еще не чувствовала себя такой беспомощной.

Я сел и обнял ее одной рукой:

– Что бы ни случилось, мы должны держаться вместе.

Мы поцеловались.

– А что, если она... – проговорил я. – Как ты думаешь, а если она...

Ульрика отшатнулась от меня:

– Не надо так думать!

– Знаю. Но... ее блузка...

Я просто обязан выяснить, что с ней произошло. Должно быть, Ульрика забрала блузку. А в этом случае она, конечно же, обнаружила пятна – их невозможно было не заметить.

– Что ты имеешь в виду? – спросила она.

– Пятна на блузке.

– Какие пятна?

Она смотрела на меня так, словно я бредил.

Стало быть, она не брала блузку? В таком случае вещь должна была найти полиция. Мое сердце громко стучало, когда Ульрика положила руку мне на рукав:

– Мы знаем, что Стелла была дома, когда убили этого человека.

Больше она не произнесла ни слова.

В ночь с понедельника на вторник я не сомкнул глаз. Разные мысли вертелись в голове. Что натворила Стелла?

Я пылесосил, мыл полы и тер дверцы кухонных шкафов, чувствуя, как голова идет кругом. Боялся своих собственных мыслей. Стелла, моя девочка. Что я за отец, если допускаю самую мысль о том, что она может быть виновна? Воздух застревал в гортани, как густая слизь; мне пришлось выйти в сад, чтобы продышаться.

Ульрика закрылась в своем кабинете. Через несколько часов я обнаружил ее спящей за письменным столом. Рядом стояла пустая бутылка вина и недопитый бокал. Осторожно проведя рукой по ее волосам, я вдохнул ее запах и оставил спать дальше.

Утром я в полном изнеможении плюхнулся за стол в кухне, перелистал газету и увидел снимок детской площадки, где был убит Кристофер Ольсен. Неужели Стелла была там в пятницу вечером? Но зачем? Отбросив эти мысли, я поднялся к Ульрике.

- Хочу поехать туда. Увидеть все собственными глазами.
- Что именно?
- Место происшествия. Детскую площадку.
- По-моему, не самая удачная идея, – сказала Ульрика. – Нам с тобой лучше держаться от всего этого подальше.

Тогда я стал копаться в Сети.

Пока информации об убийстве было мало, но это, ясное дело, вопрос времени – пройдет несколько часов, и народ кинется писать об этом на разных форумах и обсуждать в социальных сетях. С большой вероятностью Стеллу будут называть виновной. Нет дыма без огня. То, что речь идет о дочери пастора, придаст этой истории особую пикантность.

Люди наделены властью судить и осуждать, что бы там ни говорила правоохранительная система, и в народном суде не требуется весомых доказательств. Мне достаточно оборотиться на самого себя. Сколько раз сам я начинал сомневаться, когда подозреваемого освобождали за отсутствием доказательств?

Я продолжал гуглить, но слов и картинок было недостаточно. Я хотел увидеть все своими глазами, постоять на этом месте.

Ульрике я не рассказал, куда направляюсь. Похоже, она глубоко убеждена, что Стелла не имеет ко всему этому никакого отношения. В машину я сел с тяжелым чувством в груди.

На полпути к городу зазвонил телефон – дисплей показал, что это Дино.

– Полиция допрашивала Амину. Нехорошо, что она оказывается замешанной в этом деле.

Он говорил быстро и с необычной жесткостью в голосе.

– О чем они ее спрашивали? – спросил я, но Дино меня не слушал.

– А что, если на медицинском факультете узнают, что Амина втянута в расследование убийства? Это бросает на нее тень.

– Прекрати, Дино! Мою дочь подозревают в убийстве! Не Амину надо жалеть.

На мгновение он замолчал.

– Знаю, знаю. Прости, я просто не хочу, чтобы у Амины были неприятности из-за того, к чему она... не имеет отношения.

Само собой, он не имел в виду ничего плохого. Дино известен отсутствием такта и привычки размышлять перед тем, как что-либо сказать или сделать. Бессчетное количество раз мне приходилось заглаживать на игровом поле его поспешные выпады и резкие слова. Но теперь мне самому было тяжело – мягко говоря.

– Ты хочешь сказать, что Стелла имеет отношение ко всему этому? – спросил я.

– Ясное дело, нет, но ведь речь идет об учебе на медицинском факультете. Амина ничего не знает о том, что произошло в пятницу.

– Но ведь и Стелла об этом ничего не знает!

– Как назло, все это должно было случиться именно сейчас. Не впервые Амина попадает в неприятную ситуацию из-за...

Он не договорил. В этом и не было нужды. Дрожащим пальцем я нажал кнопку сброса.

Поставив машину возле боулинга, я прошел остаток пути пешком. За живой изгородью возле дачных домиков отыскал детскую площадку. От ограждения, поставленного полицией, остался небольшой обрывок сине-белой ленты на фонарном столбе. На площадке какая-то девчушка, хохоча, так раскачалась на качелях, что у нее слетел один сандалик. Ее отец стоял чуть в стороне у горки, раскинув в стороны руки, а младший братишка сидел на самом верху и сомневался, стоит ли ему съезжать вниз.

Рядом с плотной живой изгородью за ними уже возник небольшой мемориал. Фонарики с горящими внутри свечами, розы и лилии, фотографии и открытки с прощальными словами. Крупными красными буквами на черном фоне кто-то написал: «За что?»

Девочка на полной скорости соскочила с качелей, одним движением подхватила и натянула свой сандалик и кинулась к папе с радостным возгласом.

– Тсс! – шикнул он, покосившись на меня.

Я стоял, склонив голову, перед цветами и свечами и молился за упокой души Кристофера Ольсена.

Раньше я видел его лицо лишь на экране компьютера и телефона – несколько фотографий из репортажа и с презентации его предприятия. Теперь я впервые увидел его как человека из плоти и крови, которого другие оплакивали, по ко-

торому горевали. На самой большой фотографии он смотрел прямо в камеру – с сияющими глазами и радостно-удивленной улыбкой, словно фотограф застал его врасплох. Смерть особенно остро ощущается, когда видишь, насколько живым был когда-то человек.

Меня охватило чувство тотальной беспомощности. Все казалось таким беспросветным и диким. Незнакомого мне молодого мужчину лишили жизни на этой самой площадке, посыпанной скрипучим гравием. До сих пор можно было угадать, где растеклась кровь.

Кто мог хоть на секунду поверить, что Стелла имеет к этому какое-то отношение? Я снова взглянул на фотографии Кристофера Ольсена. Красивый молодой парень со счастливыми глазами, устремленный в будущее. Чудовищная трагедия.

Я поспешил выйти на тротуар и бросил взгляд на улицу Пилегатан.

Почему эта соседка утверждала, что видела здесь Стеллу в пятницу вечером? Кто она такая и как может быть так уверена в своих показаниях? Если она сознательно лжет, кто-то должен объяснить ей, к чему это может привести.

А если она не лжет? А что, если Стелла и вправду была здесь?

Пройдя чуть дальше вниз по улице, я нашел желтый дом, построенный на рубеже веков, в котором жил Кристофер Ольсен. Взглянул вверх на красивое обрамление окон и эле-

гантные балконы. Потом потрогал дверь подъезда. Она была открыта.

Я не знал, существовали ли юридические основания, мешавшие мне потолковать со свидетельницей. С моральной точки зрения это было, конечно, возмутительно, хоть я и поклялся самому себе не пытаться повлиять на девушку. Мне только хотелось выяснить, что именно она видела. И она должна понять, что Стелла – живой человек, чьи близкие сходят с ума от волнения. Надо объяснить ей, что все это не игрушки. Ей полезно будет увидеть, что существую я.

Нетвердой походкой я медленно поднимался по лестнице. Здесь пахло кофе и свежими булочками. Какой абсурд! Как кто-то может стоять у плиты и печь булочки – в такой момент!

На втором этаже я остановился и прочел табличку. На блестящем металле изящным шрифтом было выведено: «К. Ольсен». Напротив находились еще две квартиры. Справа жила некая Агнелид, а у левой двери висела написанная от руки бумажка – «Мю Сенневаль». Я тут же узнал имя.

Звонок прозвучал громко и резко, я изо всех сил пытался сообразить, что скажу. Надо объяснить ей, почему я здесь. Вскоре за дверью слышались неторопливые шаги, заскрипел пол, потом снова стало тихо. Я снова нажал на кнопку.

Стало быть, она стоит за дверью и прислушивается?

– Эй! – проговорил я приглушенным голосом. – Есть кто-нибудь дома?

Я услышал, как поворачивается замок, и дверь медленно открылась на небольшую щелочку – настолько, что мне пришлось наклониться в сторону, чтобы разглядеть фигуру, стоящую в потемках.

– Добрый день. Простите, что явился без предупреждения.

Я видел лишь пару поблескивавших в темноте глаз.

– Меня зовут Адам Сандель.

– Да-да?

– Можно мне войти?

Она приоткрыла дверь чуть пошире:

– Вы что-то продаете?

Голос у нее был совершенно детский.

– Я просто хотел задать пару вопросов о Стелле. Я ее папа.

– Стелла? – Она задумалась. – Ах та Стелла!

– Пожалуйста, мне очень важно узнать.

В большом сомнении она сняла с двери цепочку и открыла мне, так что я смог войти в полутемный холл. На полке для шляп лежала кепка, на вешалке висели ветровка и зонтик. Больше ничего не было.

– Это ведь вы Мю? – спросил я. – Мю Сенневаль?

Девушка попятилась к стене и уставилась на меня. Она была невысокая и хорошенькая, с густыми волосами до талии. Вероятно, не намного старше Стеллы.

– Не понимаю, чего вы хотите, – сказала она. – Я уже все рассказала полиции.

– Я буду краток, – пообещал я и вытянул шею, чтобы взглянуть в квартиру.

Голые стены, одинокий торшер в темной комнате, отбрасывавший матовый свет. У окна выдавшее виды темно-синее кресло. На книжной полке несколько фарфоровых статуэток, какие обычно находят на блошином рынке. Ни письменного стола, ни стула, ни какой другой мебели. Лишь

неубранная односпальная кровать в углу.

– Ну так чего же вы хотите? – спросила Мю Сенневаль.

Я сам не был уверен, чего именно хочу.

– Вы не могли бы просто рассказать, где вы ее видели?

Мне хочется понять, что же произошло.

Мю Сенневаль заморгала.

– Я обычно сижу там, у окна, – сказала она и ткнула пальцем в кресло. – Мне нравится все держать под контролем.

– Что именно?

– Все, что происходит.

Странные слова. Что за личность такая?

– Когда вы видели Стеллу? – спросил я. – Вы уверены, что это было в пятницу?

Она хмыкнула:

– В первый раз – в половине двенадцатого.

– В первый раз?

Она кивнула:

– Стелла примчалась на всех парах на своем велосипеде.

Рванула дверь подъезда и вбежала внутрь.

Мю Сенневаль сделала несколько неспешных шагов вглубь комнаты, остановилась возле кресла и указала на окно. Вид на улицу отсюда открывался отличный.

– Потом я увидела ее снова. Примерно полчаса спустя. Она стояла на тротуаре на другой стороне улицы, наискосок от дома. Вон под тем деревом.

Полчаса спустя? Стало быть, в пятницу вечером Мю Сен-

неваль видела человека, которого приняла за Стеллу, не один, а даже два раза.

– Как вы можете быть так уверены, что видели именно Стеллу? Вы ее знаете?

Она наклонила голову:

– Я знаю, что она работает в «Н & М». Я так и сказала полиции.

Она снова взглянула на меня. Хотя Мю Сенневаль казалась немного странноватой, ничто не указывало на то, что она лжет. В пятницу она отчетливо видела человека и была убеждена, что это Стелла. Я невольно подумал о том, что она не выглядит как человек, способный солгать. Нелепая мысль!

– Вы знаете в лицо всех, кто работает в «Н & М», или только Стеллу?

Она снова хмыкнула.

– У меня отличная память на лица, – сказала она и опять взглянула в окно. – И вообще очень хорошая память. Я подмечаю такое, что другие пропускают.

– Не сомневаюсь, – поддакнул я.

– Вашу дочь я много раз видела в «Н & М». Когда полиция показала мне фото, я была уверена на сто процентов. Они сказали – не часто случается, чтобы свидетели были так уверены.

Я чуть присел, чтобы видеть то же, что видит человек, сидящий в кресле, и констатировал, что другая сторона улицы

просматривается прекрасно.

– Потом я проснулась оттого, что кто-то кричал диким голосом. Во всяком случае, голос был мужской.

– Когда это было?

– Я только что легла, так что, должно быть, около часу ночи.

В точности как сказал Блумберг. В час ночи.

– Я всегда ложусь в час. Тут я подбежала к окну и некоторое время наблюдала. Ничего не увидела, но уверена, что звуки доносились с детской площадки.

Я попытался представить себе, как все это выглядело в темноте. Вдоль тротуара тянулась чередя фонарей, однако разглядеть среди ночи какие-то детали все равно было непросто.

– Откуда у вас такая убежденность, что это была она? – спросил я. – Вы отдаете себе отчет, что можете загубить человеческую жизнь – жизнь многих людей, если укажете не на того человека? Вы должны быть уверены на сто процентов.

– А я и уверена на все сто. Я же сказала.

Это звучало так наивно – почти полный отрыв от реальности. Какое безумие, что Стелла сидит взаперти в изоляторе на основании утверждений этой женщины!

Я с трудом взял себя в руки. Меня так и тянуло схватить Мю Сенневаль и хорошенько встряхнуть ее.

– Вы не знаете Стеллу. Вы видели ее только на работе – в магазине. Как вы можете утверждать, что настолько увере-

ны?

Мю Сенневаль глянула мне в глаза. Взгляд ее был полон сострадания.

– Стелла приходила сюда далеко не в первый раз.

Когда девочкам было по четырнадцать лет, Амина разыскала меня в моем кабинете в приходе. Она стояла в дверях, вся дрожа, – вид у нее был такой, словно мир вот-вот рухнет и поглотит ее.

– Пастор обязан хранить тайну?

Едва она произнесла эти слова, как я понял, что все должно измениться. В ее испуганных глазах лани словно бы лежала на весах вся наша жизнь.

Все детство Амина и Стелла были неразлучны. Временами Стелла проводила у семьи Бежич не меньше времени, чем дома с нами. У Амины тоже не было ни братика, ни сестрички, и, хотя мы никогда не обсуждали это с Дино и Александрой, мы с Ульрикой подозревали, что Александре, как и Ульрике, не удалось забеременеть во второй раз.

– Что произошло? – спросил я, положив руку на плечо Амины.

– Ты ведь обязан хранить тайну? – снова спросила она. – То, что я тебе скажу, ты не имеешь права никому рассказывать?

– Все зависит от того, что именно ты собираешься мне доверить.

Я попросил ее сесть, налил ей апельсинового сока и угостил печеньем. Прежде чем перейти к делу, мы поговорили

обо всем на свете – как у нее дела в школе, о подружках и гандболе, о ее мечтах и планах. Потом она сообщила, что речь идет о Стелле.

Я выждал два дня, но потом все же вынужден был заговорить об этом с Ульрикой.

– Наркотики?

Моя жена уставилась на меня недобрый взглядом. Кажется, она ждет, что я возьму назад свои слова – скажу, что это была шутка.

– Так утверждает Амина.

– С какой стати Амине рассказывать тебе нечто подобное?

Она не хотела во все это верить.

– Думаю, она боится, – ответил я.

В последующие дни Ульрика поставила всех на голову. Она связалась с директором школы и школьной медсестрой, которая организовала анализ крови на содержание наркотиков.

– Вы не сможете меня заставить, черт подери! – кричала Стелла, пытаясь вырваться из наших рук у поликлиники.

– Очень даже можем, – отвечала Ульрика. – Ты несовершеннолетняя.

Народ с любопытством косился на нас, когда Стелла продолжала громко возмущаться и в холле. Я изо всех сил пытался успокоить ее, но потом ситуация стала настолько невыносимой, что мне пришлось втащить Стеллу в лабораторию и пояснить, что мы не можем больше ждать. Ульрика крепко

держала Стеллу за руку, когда медсестра вводила ей в вену иглу.

Несколько дней спустя мы получили ответ по телефону. В крови у Стеллы обнаружили следы марихуаны.

– Почему? – раз за разом повторяла Ульрика. – Почему?

Мы со Стеллой сидели за кухонным столом, а она кругами ходила вокруг нас. Я чувствовал себя адвокатом.

– Потому что в жизни ничего не происходит, – ответила Стелла.

Вскоре это стало у нее стандартным ответом.

Ульрика, вся дрожа, смотрела на нее, стиснув кулак у бедра.

– Наркотики, Стелла! Это наркотики!

– Всего лишь травка. Я просто хотела попробовать.

– Попробовать?

– От этого поднимается настроение. Как у тебя от твоего вина.

Ульрика шарахнула кулаком по столу с такой силой, что стаканы подпрыгнули. Стелла вскочила и выпалила поток боснийских ругательств, которым научилась дома у Дино.

Когда в тот вечер я пришел в спальню, Ульрика лежала, отвернувшись лицом к стене.

– Дорогая... – проговорил я, осторожно погладив ее по спине.

Она лишь всхлипнула.

– Все уладится, – сказал я. – Мы вместе. Вдвоем мы все

одолеем.

Она перекатилась на спину, уставилась в потолок:

– Это моя вина. Я слишком много работаю.

– Ничьей вины тут нет.

– Мы должны обратиться за помощью. Завтра же позвоню в отделение детской психиатрии.

– Что о нас подумают? – спросил я.

Однажды вечером на той же неделе, возвращаясь домой, я заметил Амину. Издалека узнав розовую куртку с белой оторочкой на капюшоне, я отпустил руль, чтобы помахать ей, но Амина не ответила на мое приветствие. Замедлив шаги, она в конце концов остановилась у большого электрического щита, и я понял: тут что-то не так.

Пока я приближался к ней, ее лицо становилось все более мрачным. До последнего я надеялся, что ошибся. Амина поднесла руку к щеке в тщетных попытках скрыть свою реакцию; я затормозил и наклонился вперед через раму велосипеда.

– Амина, дорогая, что случилось?

Она отвернулась.

– Ничего, – проговорила она, удаляясь от меня. – Я думала, пасторы обязаны хранить тайну.

Через две недели мы пришли на прием в отделение детской и подростковой психиатрии. К этому моменту мы уже побывали на совещании в школе – с участием директора,

социального педагога, медсестры и школьного психолога. Я чувствовал себя самым бездарным родителем на свете.

Психотерапевт носил подкрученные вверх усики – настолько длинные, что они завивались на концах. Трудно было смотреть на что-то другое.

– Всегда говорю, что проблемы подросткового возраста идут из семьи, – заявил он и подался вперед, склонившись над низким круглым столом так, что его ожерелье из черного бисера заплясало в воздухе.

Как только Ульрика или я пытались изложить наш взгляд на ситуацию, он прерывал нас, поднимая ладонь.

– Мы должны смотреть на ситуацию глазами Стеллы. Что ты чувствуешь?

Стелла смотрела на свои ноги:

– Да мне плевать.

– Но Стелла... – попытались вмешаться в разговор мы с Ульрикой.

– Стоп-стоп, – сказал психотерапевт. – Она имеет право чувствовать то, что чувствует.

У меня чесались руки. Разве это моя маленькая доченька сидит тут, сложив руки на груди, с упрямым выражением лица? Это совсем другой человек, а не тот младенец с нежной кожей и ямочками на щеках, которого я когда-то прижимал к груди. Мне хотелось схватить ее за плечи и встряхнуть.

– Стелла, дорогая! – сказала Ульрика.

Мой тон всегда был строже.

– Стелла!

Но Стелла продолжала что-то бурчать себе под нос на всех встречах и беседах:

– Ничего вы не понимаете. Нет смысла объяснять. Мне плевать.

Постепенно я свыкся с тем, что произошло. Наша дочь курит марихуану – такое случается и в других семьях. Это не обязательно означает вселенскую катастрофу, как я опасался поначалу. Большинство людей, покуривавших в подростковые годы травку, становятся потом вполне успешными, добросовестными гражданами, не страдающими наркозависимостью.

Однако наркотики были всего лишь одним из симптомов, и мы испытывали настоящую фрустрацию, будучи не в силах помочь дочери. Дома мы с Ульрикой ходили словно по раскаленным углям. Малейшее замечание могло вызвать настоящий взрыв. Глаза у Стеллы темнели, она кричала и швырялась вещами:

– Это моя жизнь! Не вам решать, как мне жить.

Когда становилось совсем плохо, мы не видели другого пути, кроме как запереть ее в комнате, пока она не успокоится.

Осенью вместо черных усиков на отделении детской и подростковой психиатрии появились огненно-рыжие волосы милой женщины. Она давала нам задания, которые мы должны были выполнять дома. «Инструменты», – говорила

она. Нам нужны были инструменты. Но когда Стелле не удалось добиться своего, она переворачивала весь мир вверх дном – невзирая ни на какие «инструменты».

Во время одного обследования выяснилось, что Стелла не способна контролировать свое импульсивное поведение. По словам рыжей, этот навык можно было натренировать.

Я поделился с коллегами в приходе, которые поняли и поддержали меня. С подростками нелегко. Однако я не мог не заметить в глазах некоторых из них удовлетворение, своего рода облегчение оттого, что и на моем безупречном фасаде появились трещины.

Однажды в субботу, собираясь ложиться спать, мы с Ульрикой обнаружили, что Стелла выбралась из комнаты через окно и сбежала. Я вскочил на велосипед и, к счастью, обнаружил ее довольно скоро. Она сидела на перроне вместе с десятком других подростков в дырявых джинсах и надвинутых на глаза капюшонах. В воздухе сгустился сигаретный дым, во всей этой сцене было что-то угрожающее.

– Ты пойдешь со мной домой, – сказал я.

Стелла не стала возражать. Молча сидела на багажнике всю дорогу до дому, а когда мы уже подъезжали, обхватила меня обеими руками и прижалась лбом к моей спине.

В понедельник мы получили результаты очередного анализа. Ответ был отрицательный.

Мне почудился свет в конце тоннеля.

Следующей ночью мы с Ульрикой опять сидели в разных концах дивана. Мы боролись со временем и с той раной, которая открылась в сердце нашей маленькой семьи. Воздух казался удушливым от всего того, что мы не говорили друг другу.

Мысли о Мю Сенневаль возвращались снова и снова, как непрошенные гости. Ее слова поселили в моей душе страх. Она была совершенно уверена, что в пятницу вечером видела Стеллу, потому что Стелла приходила домой к Кристоферу Ольсену не в первый раз.

Около двух Ульрика пошла за очередной бутылкой вина. На обратном пути она споткнулась и оперлась о стену.

– Может быть, нам не стоит больше пить? – сказал я.

– Нам?

Я пожал плечами.

Не раз говорил я в своих проповедях, что иной раз нужны трагедии и катастрофы, чтобы люди сплотились и объединились, чтобы мы могли остановиться и всерьез посвятить себя друг другу. В горе мы вновь открываем для себя друг друга и осознаем, что такое быть человеком среди людей. В беде мы как никогда нуждаемся друг в друге.

– Адам, дорогой мой, не говори, что мне делать и чего не делать, – сказала Ульрика. – Мою дочь подозревают в убий-

стве.

Она снова покачнулась, потом уселась в своем углу дивана. Я сделал глубокий вдох. Мы одна семья, мы должны держаться друг за друга. Нет места лжи и тайнам.

– Знаешь, мне кажется, Стелла была знакома с тем мужчиной.

– С Кристофером Ольсеном?

Я кивнул, а она отпила еще глоток вина.

– Что заставляет тебя так думать?

– Интуиция подсказывает.

Ульрика посмотрела на меня округлившимися глазами.

Рассказать ей все? Признаться, что я разговаривал с Мю Сенневаль? Я побоялся, что Ульрика меня не поймет. Выйдет из себя, сочтет, что я пытался воздействовать на свидетельницу. Само собой, это для нее дело чести. Узнай она об этом – возможно, даже сочла бы себя обязанной немедленно сообщить о моем поступке в полицию.

– Что мы сделали не так, дорогая? – спросил я. – Почему все пошло вкривь и вкось?

Глаза Ульрики заблестели.

– Меня на все не хватало, – тихо, почти шепотом, проговорила она. – Я плохая мать.

Я подвинулся ближе к ней:

– Ты чудесная мать.

– Да нет, Стелла всегда была папиной дочкой. Все так говорили. Только она и ты.

– Перестань.

Я протянул к ней руку, но она повернулась спиной, замкнувшись в своих переживаниях.

– У вас со Стеллой всегда были прекрасные отношения, – продолжал я. – В последнее время...

Она покачала головой:

– Чего-то всегда не хватало.

– Возможно, так и должно быть, – ответил я, сам не до конца понимая, что имею в виду.

Я долго ворочался, пока наконец не забылся беспокойным, прерывистым сном. То и дело я просыпался с болью во всем теле, недоумевал, где нахожусь, и пытался разобраться, что же реально, а что – лишь видения из моих полубредовых сновидений.

Ульрика полулежала рядом, посапывая во сне, ее веки подрагивали. На рассвете я перебрался поближе к ней, чтобы ощущать во сне ее присутствие.

Когда я проснулся в очередной раз, ее не было. Я поспешил в кухню. Утренние лучи заливали молчаливый дом. Вбежав по лестнице, я рванул дверь спальни. Кровать была пуста. В следующее мгновение я услышал ее шаги в комнате Стеллы.

– Пришли результаты из лаборатории. Сегодня будет новое заседание суда по избранию меры пресечения.

Она стояла в дверях с поникшими плечами и черными

кругами под глазами.

– Что это означает?

– Человек может быть арестован на основании мотивированных подозрений или на основании правдоподобных подозрений. Мне кажется, разница очевидная. Для задержания на время следствия, когда человека подозревают в совершении преступления, требуется не много, но, чтобы задержать человека как обоснованно подозреваемого, требуются серьезные доказательства.

Слова звенели у меня в голове.

– По словам прокурора, у суда появились более веские доказательства против Стеллы.

Более веские? Сердце отчаянно забилося в груди.

– Что они нашли?

Мы с Ульрикой никогда не обсуждали то чувство вины и стыда, которое испытываешь, когда твою дочь поймали за употреблением наркотиков. Мы молча переносили встречи на отделении детской и подростковой психиатрии, давали себе клятвы и зарок на будущее и доказывали всем, кто желал, а также всем, кто не желал слушать, что благо нашего ребенка для нас превыше всего, словно всерьез думали, что это отличает нас от всех других родителей.

В ту осень Ульрика перешла на неполную ставку. Стала больше бывать дома, хотя работы у нее не убавилось.

Однажды ночью я проснулся и услышал, как она стучит по клавиатуре. Я тихонько прокрался в ее кабинет, где она сидела за столом в одном белье. За последние месяцы она сильно похудела, и в слабом свете настольной лампы я увидел у нее на теле, чуть ниже лифчика, красные пятна с волдырями.

– Опоясывающий лишай, – констатировал на следующий день врач.

Выписывать ей снотворное он отказался, но готов был посадить ее на больничный.

– Ты должна подумать о себе, дорогая, – говорил я, помогая ей смазывать волдыри мазью.

– Я должна думать о Стелле, – отвечала она.

Стелла же неслась по жизни на всех парах. Подозреваю, что так и должно быть; когда тебе четырнадцать, некогда нажимать на тормоз. Нужно торопиться, чтобы не отстать, не оказаться за бортом. Частенько вспоминал я слова Дино, что худший враг Стеллы – это сама Стелла. Что ей надо победить саму себя. Временами казалось, что в этом матче она уже вне игры.

– Ну что еще? Мне плевать!

Весной рыжую тетеньку сменила совсем молодая, которая верила, что панацеей от всех бед является когнитивная терапия – по крайней мере, до того момента, как Стелла взорвалась во время одной из бесед и обрушила на нее поток грязных ругательств. Тогда нас отправили к семейному психотерапевту, моложавой женщине с челкой и тревожной улыбкой, которая призывала нас «замораживать ситуацию», когда у Стеллы случались срывы.

– Остановитесь и поговорите о том, что вы чувствуете и почему все получилось именно так.

Несколько дней спустя Стелла швырнула бутерброд в дверцу холодильника, когда мы с Ульрикой объяснили ей, что она не поедет на вечеринку в Мальмё.

– Вы убиваете меня! – кричала она. – Зачем жить, если ничего нельзя?

Я встал и раскинул руки, как судья в хоккее.

– Давайте заморозим ситуацию, – сказал я.

– Да брось!

Стелла кинулась в прихожую, но я успел заблокировать ей дорогу.

– Я этого не выдержу! – крикнула Стелла и пронеслась мимо Ульрики вверх по лестнице.

Дверь с грохотом закрылась за ней, и я разочарованно вздохнул.

– Она *должна* выдержать, – проговорил я, прислоняясь к кухонному острову. – Мы все должны выдержать.

– Не понимаю, что происходит, – сказала Ульрика.

Никто из нас не понимал. В возрасте пяти лет Стелла могла часами собирать сложный пазл. В садике говорили, что такого терпеливого ребенка еще не видели. Теперь она была не в состоянии усидеть на месте и сосредоточиться больше чем на десять минут.

Но каждый раз, когда психологи заговаривали о СДВГ¹⁰, Ульрика сразу же переходила в наступление. Им она никогда не приводила никаких конкретных доводов, но мне объяснила: она боится, что диагноз сам по себе наложит на Стеллу свой отпечаток, сделает ее изгоем и приведет к развитию заболевания.

– Когда я была маленькая, взрослые постоянно твердили мне о том, что я девочка-паинька.

Вид у нее при этом был такой, словно в рот ей попала какая-то гадость. Я не сразу понял, что она имеет в виду.

– Пай-девочка, говорили они и гладили меня по голов-

---

¹⁰ СДВГ – синдром дефицита внимания и гиперактивности.

ке. Ульрика пай-девочка. В конце концов у меня не оставалось иного выбора, как стать той самой пай-девочкой, которой меня все хотели видеть.

Никогда раньше я не смотрел на нее под таким углом.

В классе пятом-шестом Стелла перестала ходить со мной в церковь. Я не придавал этому особого значения – воспринял как обычный протест подросткового возраста. Дети теперь раньше становятся подростками, начинают освобождаться из-под родительского влияния еще до наступления пубертата. Ничего странного в том, что Стелла стремится к самостоятельности. К тому же мне и в голову не пришло бы навязывать ей свою веру.

С годами Стелла все чаще обвиняла религию во всех бедах мира, насмехалась над людьми, которые придерживались каких-либо иных убеждений, кроме строго атеистических. Конечно же, я понимал, что спорить с ней не имеет смысла. Сам когда-то был таким. Но меня огорчало то, что она делала все это, как мне казалось, назло. Я переживал. Больно видеть, как твое дитя меняется в таком направлении, какого ты и представить не мог.

Учитывая отрицательное отношение Стеллы к церкви, мы были очень удивлены, когда она изъявила желание поехать в конфирмационный лагерь.

Когда я только пришел в приход, одним из моих первых

проектов было налаживание деятельности по подготовке к конфирмации. Вместе с соседним приходом мы нашли прекрасный учебный центр у озера Иммельн на границе с Блекинге, а потом благодаря счастливой случайности нам удалось привлечь в качестве руководителя лагеря молодого диакона Робина.

Лагерь имел большой успех, и в этом году подростки и их родители со всего города звонили и желали записаться. Понимая, что немалая часть успеха принадлежит Робину – молодому и харизматичному, при этом глубокому, я отвел неразумно большую часть бюджета прихода на то, чтобы и в этот раз привлечь его на роль руководителя лагеря.

Конечно же, я видел, какими глазами смотрят на него юные конфирмантки, понимал, что его обаяние таит в себе опасность, но оказался достаточно наивен, чтобы не прислушаться к тревожным сигналам.

Стелла сдавала анализы раз в три недели, результаты каждый раз были отрицательные, и разговоры на детском отделении психиатрии все больше касались обычных подростковых проблем – уроки, друзья, непослушание.

– Думаю, надо отпустить ее в лагерь, – сказал я однажды апрельским вечером, когда ветер дул так сурово, что стены дома сотрясались.

Мы сидели за ужином – в тот период мы не часто собирались всей семьей. Целая неделя прошла без крупных выходов.

– Правда?

Стелла бросилась мне на шею.

– Ты лучший! – сказала она мне с набитым ртом. – Я люблю тебя, папочка!

– Давай сперва послушаем, что скажет мама.

Ульрика интенсивно жевала. Ее только что назначили адвокатом в процессе, который вскоре станет одним из самых громких в Швеции. Она тут же с головой окунулась в работу. Если до этого она работала слишком много, то теперь стала работать еще больше.

– Что я могу сказать?

Отпив несколько глотков молока, она посмотрела на меня.

– Скажи, что мне можно поехать, – сказала Стелла, по-прежнему висевшая на мне.

– Пожалуйста, – проговорил я, глупо улыбаясь.

Должен признаться – я рассматривал конфирмационный лагерь как возможность для Стеллы открыть для себя новые ценности в христианском единении. Шанс найти себя. Я надеялся, что так может начаться ее возвращение. Возвращение к той девочке, которой мне так недоставало.

– Ясное дело, ты можешь поехать, – произнесла наконец Ульрика.

Казалось, все в нашей жизни должно измениться к лучшему.

И однажды в августовский день Стелла села в автобус на парковке у церкви. Ульрика опоздала на самолет из Сток-

гольма, дочь провожал я – стоял и махал ей, пока автобус выезжал с парковки. Стелла широко улыбалась, прижавшись лицом к заднему стеклу. Она не махала мне в ответ.

Во второй половине дня в среду мы снова явились в городской суд. Ульрика прошла впереди меня через металлодетектор на входе. Когда же настала моя очередь, рамка начала пищать и мигать. Все глаза обратились ко мне, но охранник быстро обнаружил, что я забыл снять цепочку.

Микаэль Блумберг едва успел поздороваться с нами в коридоре. На лбу у него выступили бисеринки пота, узел на галстуке был завязан небрежно. Действительно ли он тот человек, который в состоянии защитить Стеллу?

Ноги не слушались меня, когда я входил в зал суда. Стелла уже сидела там – сзади она выглядела как самая обычная девушка, у которой вся жизнь впереди. Только увидев ее остановившийся взгляд, я вернулся к реальности. Все это было совершенно дико.

Началось заседание, и на этот раз никто из сторон не потребовал слушания при закрытых дверях. Слово взяла прокурор Йенни Янсдоттер. Она говорила быстро, не колеблясь: – На основании новых улик, обнаруженных следствием, степень подозрения в отношении Стеллы Сандель повысилась.

Я не сводил глаз со Стеллы. Так ужасно, что она сидит всего в нескольких метрах от меня, а я даже не могу с ней поговорить. Мне хотелось лишь одного – обнять мою люби-

мую девочку.

По данным лаборатории, отпечаток подошвы, обнаруженный экспертами рядом с местом убийства, соответствует тому типу обуви, который был на Стелле, когда ее задержали. Однако не удалось с уверенностью констатировать, что след оставлен именно туфлями Стеллы.

Кроме того, анализ установил, что на теле жертвы имеются отчетливые следы капсаицина, что с большой вероятностью означает, что Кристофер Ольсен подвергся воздействию так называемого перцового баллончика.

– Несколько коллег Стеллы на допросе показали, что Стелла всегда носила с собой в сумочке перцовый баллончик, – продолжала прокурор.

Это звучало нелепо. Зачем Стелле таскать с собой какой-то баллончик?

Кроме того, экспертам полиции удалось обнаружить множество следов пребывания Стеллы в квартире Кристофера Ольсена на Пилегатан. Волосы, отслоившиеся чешуйки кожи и волокна ткани.

– Стелла не смогла дать никакого объяснения этим уликам и связно рассказать, что она делала в тот вечер, когда произошло убийство.

Ульрика взяла меня за руку, но я не смел поднять на нее глаз.

Прокурор сообщила, что они ожидают отчета судебно-медицинской экспертизы, чтобы детально восстановить ход со-

бытий.

Меня не покидало ощущение, что нас снимают для какого-то сериала. Несмотря на юридическую карьеру жены, я лишь несколько раз бывал на заседаниях суда и даже тогда воспринимал все это как своего рода представление, происходящее на сцене перед публикой в течение ограниченно-го времени. Примерно как свадьба или похороны. И только когда действие непосредственно задевает тебя, оно перестает быть театром. Речь идет о твоей жизни. О твоей семье.

– В компьютере Кристофера Ольсена, – продолжила прокурор, вытащив стопку бумаг, – обнаружено также большое количество сообщений в чате между Ольсеном и Стеллой Сандель. Эта переписка свидетельствует о том, что Стелла и Кристофер знали друг друга и, с большой вероятностью, состояли в интимных отношениях.

Меня начало подташнивать. В сознании вспыхивали страшные картины.

Когда Блумбергу предоставили слово, он не высказал практически никаких возражений, и судья объявил, что суд удаляется на совещание. На этот раз охранники повели Стеллу из зала суда прямо в следственный изолятор в подвальном этаже. Когда дверь за ними закрывалась, Стелла ни разу не обернулась.

– Почему она не протестует? – спросил я Ульрику. – Почему позволяет так с ней обращаться?

Казалось, Стелла все принимает. Словно она тоже участ-

вует в этом шоу.

– Она мало что может сделать, – ответила Ульрика. – Наверное, она тоже в шоке, как и мы.

О других вариантах я даже не хотел думать.

Через десять минут нас пригласили обратно в зал, и судья провозгласил, что суд постановил заключить Стеллу под стражу как обоснованно подозреваемую в убийстве.

Мы отправились напрямик в контору Микаэля Блумберга на улице Клостергатан. Звездный адвокат тяжелыми шагами ходил туда-сюда по скрипучему полу, во взгляде сквозила тревога.

– Скандально убогое расследование. Похоже, и Янсдоттер, и полиция зациклились на Стелле.

– Почему ты ничего не сказал в суде? – спросил я.

Блумберг резко остановился:

– Что ты имеешь в виду?

Он обернулся к Ульрике, словно она, а не я высказалась по поводу его поведения.

– Почему ты все это проглотил? – спросил я. – Ты ведь должен был протестовать! У нее алиби! Почему ты ничего не сказал о ее алиби?

Блумберг сделал неопределенный жест рукой:

– В данный момент это ничего бы не дало. Слишком много улик указывают на Стеллу, и к тому же судмедэксперты пока не установили точного момента смерти.

– А свидетельница? – спросил я. – Мю Сенневаль. Она слышала под окном крики около часу ночи.

Блумберг взглянул на Ульрику.

– Правда, это так и есть, – подтвердила моя жена. – Ми-каэль, что нам известно об этой Мю Сенневаль?

Блумберг опустил за свой стол.

– Это не самый надежный свидетель. Мю Сенневаль проводит всю жизнь у окна. В самом буквальном смысле слова. Она выходит только за едой и на беседы с психотерапевтом, в остальное время сидит у окна и шпионит за соседями. Как никто другой, знает обо всем, что происходит в квартале.

– Похоже, она прекрасный свидетель, – проговорил я.

На самом деле я знал, что это неправда.

– Да нет, эта девушка просто воплощение психического нездоровья. У нее все фобии и неврозы, какие только бывают.

Это я мог себе представить.

– Но ведь это не имеет отношения к делу?

– Как знать, – проговорил Блумберг.

– А как обстоят дела с бывшей сожительницей Ольсена? – спросила Ульрика. – Удалось откопать про нее что-нибудь новенькое?

«Откопать»? Слово-то какое неприятное. У меня невольно возникли ассоциации со сплетнями и с клеветой, желтой прессой. словно мы любой ценой должны были найти козла отпущения.

– Думаю, именно на нее нам следует сделать ставку, – сказал Блумберг. – Линда Лукинд.

– Ее так зовут?

Блумберг придвинул к себе бумагу на столе:

– Именно. Линда Лукинд, Тульгатан, десять.

– Вы поговорили с ней? – спросила Ульрика.

– Она не из болтливых. Утверждает, что уже все рассказала полиции и прокурору, но ей никто не верит. Я пытался получить протоколы предварительного следствия, пока, правда, безуспешно. Но это мы решим. Придется действовать через суд.

– Сколько времени все это займет? – спросил я.

Блумберг защелкал своей ручкой.

– Успокойся, – сказала Ульрика и погладила меня по руке.

– Успокойся? В каком смысле? Если у этой Лукинд есть мотивы, все заинтересованы в том, чтобы ее допросить! Ведь полиция должна работать объективно, разве нет?

– Полиция ее допросила, – ответил Блумберг и отбросил ручку. – В порядке ознакомления.

– Этого явно недостаточно, – сказал я; Блумберг встревоженно глянул на Ульрику. – И когда нам разрешат увидеться со Стеллой? Мы должны поговорить с нашей дочерью!

Я уже готов был вскочить со стула.

– Стелле не разрешается общаться ни с кем, кроме меня, – произнес Блумберг.

– Ей всего лишь девятнадцать, – сказал я.

– К сожалению, возраст роли не играет.

– Она ребенок!

Я не собирался кричать. Просто так получилось. Кулаки сжались, и Ульрика крепко схватила меня за запястье.

– В глазах закона – нет, – осторожно произнес Блумберг.

– Плевать мне на законы. Я хочу видеть свою дочь!

В ушах у меня зашумело. Даже огромный, похожий на медведя Блумберг выглядел слегка испуганным, когда я вырвался из рук Ульрики и вскочил со стула.

– Сделай так, чтобы Стелла все рассказала полиции. Больше никаких тайн и неприятных неожиданностей. Невинный не станет лгать.

О том, что я собираюсь приехать в конфирмационный лагерь, Стелле я рассказывать не стал. Вероятно, я поступил глупо. Конечно, мне следовало бы предупредить об этом, но для меня это само собой разумелось. Я был священником в одном из приходов, организовавших лагерь, инициатором его создания, – само собой, я приеду навестить ребят.

Когда я прибыл в обучающий центр, конфирманты как раз пожарили сосиски. После этого многие из них переоделись в купальники и плавки, кто-то зашел по пояс в воду и стоял, поеживаясь от холода, другие прыгали с мостков. Две вожатые стояли под деревом и смеялись, пока Робин с радостными возгласами плескался в озере.

Некоторое время я стоял на поросшем травой склоне. Словно перед картиной. Радость и единение, написанные яркими красками.

Подросткам было не до меня. Кто-то из одноклассников Стеллы поздоровался со мной, но большинство вообще не обратило внимания на мое появление.

Я подошел к вожатым, стоящим под деревом, и обменялся с ними рукопожатиями. Они рассказали, что все замечательно. С группой очень здорово работать, и у них уже случилось несколько интересных и откровенных бесед.

Ни одна из них не упомянула Стеллу – это я воспринял

как признак того, что она ведет себя хорошо. Я заранее настроился на то, что не буду волноваться, но теперь, когда стало ясно, что ничего не случилось, я почувствовал, как по всему телу пробежала волна облегчения.

Ситуация ухудшилась, когда Стелла обнаружила мое появление.

Она вышла из озера с мокрыми волосами, свисающими сосульками. На берегу она завернулась в полотенце.

Увидев меня, Стелла переменилась в лице:

– Что ты здесь делаешь?

– Приехал вас навестить. – Я попытался улыбнуться.

– Оставь меня в покое!

Шлепая кроксами, она удалилась вверх по склону.

Говорить с дочерью о сексе я никогда не умел. Я не хотел быть традиционным отцом. Таким, который краснеет и смущается при слове «противозачаточные средства», который предпочитает закрывать глаза и делать вид, будто никакой сексуальности у его дочери-подростка нет, будто она живет в замкнутом пространстве, понятия не имея о том сексуализированном мире, окружающем нас всех. Долгое время я говорил себе, что стану совсем другим отцом – таким, которому можно довериться, который не переключает телевизор на другой канал при виде пылкой постельной сцены или тайно подкладывает в сумочку презервативы, не говоря ни слова. Даже не знаю, что случилось, почему все вышло так, как вы-

шло.

Другие мужчины давали мне понять, что в этой ситуации я не одинок. Очень хочется думать, что мы продвинулись куда дальше, что благодаря равноправию большинство современных отцов умеют правильно относиться к сексуальности своих дочерей-подростков. Но факт заключается в том, что, как это ни грустно, я не знаю ни одного мужчины, который мог бы просто и естественно поговорить с дочерью-подростком о сексе.

Когда я после нескольких банок пива спросил как-то об этом Дино, тот аж поперхнулся:

– Если кто тронет Амину хотя бы пальцем, я ему хрен отрежу!

Ясное дело, я понимал, что он говорил это не всерьез. В последние годы у Амины было несколько бойфрендов, и ни один из них, насколько мне известно, не лишился ни одной части тела. Однако я не верю, что Дино сидел и откровенно разговаривал с Аминой о сексе.

До конфирмационного лагеря мы с Ульрикой никогда не обсуждали сексуальность Стеллы. Знаю, что Ульрика помогла ей, когда у нее начались месячные, но в остальном Стелла была ребенком во всех отношениях. Ей только что исполнилось пятнадцать. Возможно, я был слишком наивен.

Робин уговорил меня остаться на ужин. В столовой был отдельный зал, где мы могли сидеть так, чтобы Стелла нас

не видела.

Повара в этом месте работали отменные, и еда была просто великолепная. Мы с Робинем вели интереснейшую беседу. Он рассказал мне, что почти все конфирманты признались: они верят в божественную силу, которая сильнее человека. Робин спросил их, почему эта сила не является Богом, и потом, выслушав каждый ответ, объяснил им, что они, вполне вероятно, говорят именно о Боге.

Я не хотел примешивать сюда личные дела, однако не мог удержаться от вопроса:

– А что сказала Стелла?

Робин положил в рот порцию картошки с розмарином, и мне пришлось ждать, пока он не прожует.

– Сообразительная девочка. У нее острый ум.

– Так что же она сказала?

– Она сказала, что Бог наверняка существует, но лучше все же сделать вид, будто его нет, потому что все религии и конфессии ведут к разногласиям.

Кажется, мне не удалось скрыть улыбку.

– Как я уже сказал, она умная, – проговорил Робин.

После ужина я спросил, можно ли мне посидеть в столовой. Вскоре я должен был отправиться домой, однако мне надо было кое-что подготовить перед завтрашней службой.

– Само собой, – ответил Робин.

Он рассказал, что конфирманты продолжают работу в малых группах.

После нескольких часов добросовестного общения я с удовольствием остался наедине со своими мыслями и с компьютером. В целом я человек достаточно общительный, но все же описал бы себя как интроверта. Частное я всегда считал самым главным, в том числе и в своей собственной семье. Право на личное пространство для меня столь же важно, как и возможность раскрыться и поговорить обо всем на свете. Мне кажется, нас с Ульрикой не раз выручало то, что мы всегда могли уединиться и побыть наедине с собой. Необходимость все делать вместе часто становится обременительной. Нередко говорят, что человек стадное животное, однако не следует забывать о том, что мы в такой же степени одиночки.

Когда я закончил свои приготовления, над озером начали сгущаться сумерки. Время пролетело незаметно – мои дела потребовали куда больше усилий, чем я рассчитывал. Поскольку Ульрика работала в Стокгольме, у меня не было причин спешить домой. Осталось только попрощаться с Робинном. Стеллу я решил избегать, чтобы не раздражать ее попусту. То, что выезд и на этот раз получился удачным, – во многом заслуга Робина, этого никак нельзя отрицать. На душе у меня было легко оттого, что дела в лагере идут хорошо.словно гора упала с плеч, и я наслаждался каждым шагом, ступая по гравийной дорожке, ведущей через площадку перед главным корпусом.

Учебный центр состоял из трех самостоятельных зданий.

В большом здании находились столовая, кухня и помещения для занятий, а спальные корпуса располагались напротив. Чуть в стороне, отчасти скрытый за стволами буков, прятался маленький корпус, где спали вожатые, свободные от ночного дежурства.

Судя по всему, у конфирмантов было свободное время. Некоторые сидели снаружи на травке, но большинство находилось где-то в доме.

– Вы не видели Робина? – спросил я у одной из вожатых.

– Кажется, он пошел в наш корпус.

Я поспешил туда через небольшую рощицу. Под вечерним небом эхом разносился смех подростков.

Подойдя к двери, я постучал. Никакого ответа. Может быть, Робин сидит в туалете? Или пошел в душ? Я подергал ручку, но дверь была заперта. Неужели он заснул?

Обогнув угол дома, я заглянул в окно, но увидел лишь пустую кровать. Не питая особых надежд, я подошел к другому окну. Штора была опущена, но внизу осталась полоса, и изнутри пробивался слабый свет. Вероятно, Робин задремал. Я подался вперед, чтобы постучать, и вздрогнул, когда заглянул через щель в комнату. Там в полумраке сидели два человека и в панике смотрели друг на друга.

Одного взгляда было достаточно, чтобы все понять. Прошло четыре года, но я по-прежнему буквально вижу перед глазами эту сцену. Вероятно, она никогда не сотрется из моего сознания.

Робин и Стелла, которые поспешно пытаются натянуть на себя одежду.

К утру четверга Стелла провела за решеткой уже пять ночей. Я представлял, как она лежит на грязной кровати в узкой темной камере. Во время завтрака я ходил туда-сюда по кухне, не находя себе места.

– Перестань, – бросила Ульрика. – Оттого, что ты нервничаешь, никому пользы нет.

– И что же мне делать?

– Лично я собираюсь поработать, – ответила Ульрика. – Может, и тебе бы это пошло на пользу?

Ладно, по крайней мере, отвлекусь. Оставив сообщение по телефону, что выздоровел, я отправился в приход. В сентябре в этом городе начинается суматоха, как перед Рождеством. После летнего затишья улицы заполняются возбужденными студентами, сбитыми с толку поисками собственного пути и занятыми демонстрацией своей неповторимости. Повсюду появляются вихляющие велосипедисты, у которых из кармана звучит голос навигатора, двадцатилетние юнцы с рюкзаками и кожаными портфелями, в которых лежат готовые ответы на все вечные вопросы. Лишь в октябре Лунд приходит в себя, когда напряженность спадает, когда прошел обряд посвящения в студенты, а то кто-то уже укатил домой, не выдержав ностальгии по родине. В этом шарм и своеобразие жизни в университетском городе. Каждую осень

его захватывают новые мечтатели и строители лучшего мира. Каждую осень, в краткие недели бабьего лета, он перерождается, словно меняя кожу. Это может нравиться или не нравиться, но до конца привыкнуть к этому невозможно.

Мои коллеги сидели в приходской кухне, их голоса доносились до холла, когда я вошел и повесил на крючок куртку.

– Поначалу я была в шоке, но если хорошенько подумать, то становится ясно, что...

– У нее всегда был бешеный темперамент.

Не услышать, о чем они говорят, было невозможно.

– У них не получилось поставить ей четкие границы. Такая девочка, как Стелла, понимает, только когда с ней твердо...

– Ульрика и Адам слишком распустили ее.

Замерев в холле, я вслушивался в их слова.

– Ясное дело, Стелла ни в чем не виновата, – сказала Моника, одна из диаконис. – Она всего лишь дитя. Подросток.

Повисла пауза. Я почувствовал, что словно парю в воздухе. Затем все продолжилось.

– Стелла ходила к детскому психиатру.

– Меня это не удивляет.

– Стелла всегда была немного не в себе. С самого детства она отличалась от других.

Снова повисла пауза. Кто-то кашлянул.

Я люблю своих коллег. Всегда мог положиться на них, ощущал их доверие и любовь. С тех пор как я поступил в

приход, его деятельность претерпела значительные изменения, и многие согласились бы с тем, что в этом немалая доля моей заслуги. Я был настолько не подготовлен к тому, что они могут вот так откровенно сплетничать у меня за спиной, что все мысли как будто застыли в голове. Словно зомби, я шагнул в кухню и уселся за общий стол.

– Боже мой, Адам! – выпалила Моника.

Пять пар округлившихся глаз взирали на меня, словно наблюдая второе пришествие.

– Ты ведь не собираешься работать? – хором спросили они.

– У меня во второй половине дня венчание.

– Но мы поставили на него Отто, – произнесла Анита, наш администратор.

– Ты пропустила мое сообщение о том, что я поправился?

Она покраснела:

– Мы не могли подумать, что ты...

Я переводил взгляд с одного на другого в надежде, что кто-нибудь скажет все как есть, но они могли выдавить из себя лишь обрывки невнятных фраз.

В конце концов Моника поднялась и взяла меня за руку. В приходе она работала со времен святого Ансгара¹¹ – и всех объединяла, как скала, на которую мы могли опереться.

– Пошли, – сказала она и повела меня по коридору, пока мой мозг по-прежнему работал на холостых оборотах.

---

¹¹ Св. Ансгар считается первым скандинавским христианским апостолом.

Мы сели друг против друга в низких креслах в ее кабинете. Моника положила мне на колени свои украшенные перстнями руки и подалась вперед, вкрадчиво глядя на меня кошачьими глазами.

– Как ты считаешь, Моника, что мы сделали неправильно?

Она положила руки мне на локти и горестно покачала головой.

– Вы ни в чем не виноваты, – сказала она. – У Бога свой план, смысла которого нам пока не дано постигнуть.

Все внутри меня требовало послать Моника подальше вместе с Богом, но, к счастью, я сдержался и поблагодарил ее за заботу.

– Отправляйся домой, тебе надо хорошенько отдохнуть. Позаботься об Ульрике, – сказала Моника и обняла меня. – Я буду молиться за вас. И за Стеллу.

В тот момент эти слова звучали фальшиво и жалко.

Сейчас мне остается лишь сожалеть, что я не последовал совету Моника.

От волнения я буквально не находил себе места. Густой туман в голове начал понемногу рассеиваться, а сердце цапалось в груди, как терьер. Тело требовало, чтобы я побежал, вырвался из мучительного, липкого настоящего; и я побежал – или, по крайней мере, пошел – и наматывал километр за километром, пока спина не покрылась потом.

Спустившись вниз к городу и оставив позади молокоза-

вод, я размышлял о том, как все сложилось бы, подай мы тогда заявление в полицию на Робина. Он изнасиловал Стеллу, и мы позволили ему выйти сухим из воды. Какие выводы могла сделать из всего этого наша дочь? Что мы за родители такие?

На шее отчаянно пульсировала жилка, мышцы подрагивали. Проходя мимо площадки для выгула собак на Южной эспланаде, я прибавил шаг.

При виде таблички «Тульгатан» что-то кольнуло у меня в груди. Здесь живет бывшая подружка Кристофера Ольсена. Блумберг прочел нам ее адрес. Я просто не мог пройти мимо.

Решение не подавать на Робина в полицию во многом было принято благодаря Ульрике. Не то чтобы я пытался переложить на нее ответственность, но, если бы не возражения Ульрики, я наверняка постарался бы засудить эту скотину.

Я прижал его к стене в корпусе вожатых, мой кулак уже взмыл в воздух, но в последнюю секунду мне удалось взять себя в руки. Вместо этого я схватил Стеллу, поволок ее через рошу и затолкал в машину. Как мы доехали до дому, я не помню.

Ульрика полагала, что мы должны срочно отвезти Стеллу в больницу, я же считал, что следует немедленно позвонить в полицию.

– Это изнасилование, – заявил я. – Даже если Стелла добровольно последовала с ним в корпус вожатых. Даже если она проявила инициативу.

Ульрика нервным шагом ходила туда-сюда по кухне.

– Просто не знаю, как лучше поступить, – сказала она.

– Не хочешь же ты сказать, что на Стелле лежит ответственность за случившееся? Ведь она ребенок!

– В глазах закона – нет. Ей исполнилось пятнадцать.

Ульрика остановилась у окна. Плечи у нее тряслись.

– Я слишком хорошо представляю себе, как проходят такие процессы. Сама побывала на нескольких.

Я почти забыл об этом, но за пару лет до того Ульрика защищала в суде парня, которого вместе с другими обвиняли в групповом изнасиловании. Какой скандал начался, когда суд всех их оправдал!

– Они наедут на нее, как танки, – проговорила Ульрика. – Обсосут каждую подробность. Что она сказала, что она сделала, что на ней было надето.

– Прекрати! – воскликнул я. – Ведь жертва – она.

– Понимаю. И все понимают. Но на суде решающим будет то, кто что делал, какую инициативу проявляла Стелла, как она вела себя до события и после него. Адвокат защиты будет хвататься за любую информацию, способную посеять сомнения.

Я подошел к окну и обнял жену за талию:

– Так не должно быть. Это несправедливо.

Ульрика погладила меня по руке:

– Не знаю, бывает ли по-другому.

Позднее вечером она поделилась со мной самыми отвратительными подробностями, которые пытаются выудить на суде у девочки, пострадавшей от насилия. Я был потрясен. До этого момента я не считал себя наивным, но факт остается фактом – меня чуть не стошнило, когда мне стало ясно, как проходит рассмотрение подобного дела. Само собой, я слышал и читал об адвокатах, которые спрашивали потерпевшую, какой длины у нее была юбка и сколько алкоголя она выпила, но считал, что все это крайности и исключения.

Только теперь я понял, что в таких делах это скорее повседневная практика.

Раньше мне бы и в голову не пришло советовать кому-либо, в особенности собственной дочери, не обращаться в полицию, не полагаться на систему, не добиваться правосудия, но, когда я начал понимать, чем все это чревато для Стеллы, что ей придется пережить, мне пришлось пересмотреть свое мнение.

– Что для тебя важнее, – спросила Ульрика, когда мы уже легли в постель, – чтобы Стелла вышла из этой истории с минимальными потерями или чтобы Робин был наказан?

Словно существовало какое-то противопоставление. Почему нельзя было добиться и того и другого? Сегодня я жалею, что не поставил под сомнение ту черно-белую картину, которую нарисовала мне Ульрика, что не настоял на своем, не добился правосудия.

Наше предательство по отношению к Стелле было непростительно.

Я подошел к первому попавшемуся подъезду на Тульгатан. Всего лишь взглянуть.

Может быть, за этой стеной сидит сейчас Линда Лукинд, бывшая сожительница Кристофера Ольсена? Кажется, Блумберг был уверен, что она имеет отношение к убийству.

Сердце застучало чаще, когда я стал читать фамилии возле домофона. Йербринг, Самуэльсон, Макка. Никаких Лукиндов.

Я двинулся к следующему подъезду.

По крайней мере, Линда Лукинд могла бы помочь мне понять, она могла бы рассказать мне о Кристофере Ольсене. Возможно, у нее есть какие-то мысли по поводу того, где он мог познакомиться со Стеллой и что между ними происходило.

У третьего подъезда я нашел, что искал. Лукинд, третий этаж. Я долго стоял, уставившись на это имя. Что я, собственно, затеял?

Я нажал на ручку двери. Закрыто. Наклонился, заглянул через стекло в подъезд. Что я ей скажу? Как смогу объяснить, кто я такой, не испугав ее? В ее глазах я буду выглядеть сумасшедшим. А что, если она вызовет полицию?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.